

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА

*Другая
женщина*

«Три истории о горькой
нежности запоздалой
любви».

журнал «7 дней»

Евгения Перова
Другая женщина

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Перова Е. Г.

Другая женщина / Е. Г. Перова — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-88928-0

Лёка и Дмитрий, Варвара и Глеб, Андрей и Ирина встречаются друг друга слишком поздно... «Солнечный удар», поразивший героев, ставит их перед моральным выбором – укротить свое сердце или отдаться роковому танцу любви на осколках собственной нравственности. Обстоятельства обязывают смириться. Но, может быть, стоит еще побороться с судьбой за свои чувства и по праву, данному любовью, насладиться краденым счастьем?!

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88928-0

© Перова Е. Г., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА

Другая женщина

© Перова Е., текст, 2016

© Redondo V. R., иллюстрация на переплете, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть I

Другая женщина

*Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был
И что я презирал, ненавидел, любил.
Начинается новая жизнь для меня,
И прощаюсь я с кожей вчерашнего дня.
Больше я от себя не желаю вестей
И прощаюсь с собою до мозга костей,
И уже, наконец, над собою стою,
Отделяю постылую душу мою,
В пустоте оставляю себя самого,
Равнодушно смотрю на себя – на него...*

Арсений Тарковский

Глава 1

Жена и любовница

Для конца августа день выдался на удивление жаркий. Очередь в Екатерининский дворец ползла медленно, и Тома пожалела, что они с ребятами туда затесались – посмотрели Лицей, да и хорошо, но Катюшка была неумолима: как это мы не увидим дворец?! А зачем тогда ехали?

– Мам, смотри! Опять эта тетенька с Настей! – закричал Антошка, подпрыгивая.

– Да не кричи ты так! – Тома оглянулась. Женщину с девочкой они заметили еще в Лицее: высокая моложавая дама с седой прядью в темных волосах и светленькая девочка, хорошенькая и резвая, на вид – ровесница восьмилетнему Антошке, который уже успел с ней познакомиться. Дама слегка прихрамывала и опиралась на элегантную трость. Настя подбежала к ним, потом подошла и ее бабушка – как решила Тамара.

– Пристраивайтесь к нам!

– Спасибо, но мы не будем стоять в очереди. У меня тут подруга работает, мы пройдем с другого входа. Хотите с нами?

– Ой, а можно? – обрадовалась Катя.

– Я думаю, можно. Пойдемте!

– Вот спасибо! А то такая очередь!

После экскурсии подруга новой знакомой пригласила их выпить чаю, и, как ни отнекивалась Тома – неудобно, ну что вы! – отказаться не удалось. Потом они все вместе еще немного погуляли по парку. Настя с Антоном носились наперегонки, а Катя снимала все подряд – фотоаппарат ей совсем недавно подарил отец. Присев на белую ажурную скамейку, женщины улыбнулись друг другу, одновременно заговорив:

– У вас такие большие дети! Сколько же вам лет?

– А вы такая молодая бабушка!

И обе невольно рассмеялись.

– Настя моя дочь. Поздний ребенок.

– Ой, простите!

– Ничего страшного, многие ошибаются.

– Сколько ей? Моему – восемь!

– Ровесники. А девочке лет шестнадцать?

– Четырнадцать. А я вовсе не такая молоденькая – под сорок уже! Просто выгляжу вечной девочкой. Знаете – маленькая собачка до старости щенок.

– А я в сорок два только родила.

– Вы героиня! Если б мне сейчас сказали рожать – да ни за что!

– Вы из Москвы?

– Да. – Тамара не стала углубляться в географические подробности, какая разница – Москва, Подмосковье. – Вот выбрались! Первый раз в Петербурге. Неделю уже здесь, завтра вечером уезжаем. Ноги просто отваливаются! А Катюшка моя неугомонная, все хочет увидеть. Ой, я не сказала! Я – Тамара, можно просто Тома.

– Очень приятно. Людмила. Вы тут у родственников?

Тома чуть было не спросила: а как вас по отчеству? – но вовремя сообразила, что не стоит.

– Нет, в гостинице. Муж заказал. Он с нами не ездит, у него вся работа в разъездах, устает.

– Понятно.

Вернулись дети и стали канючить мороженого, Тома махнула рукой – ладно, а то уж очень жарко.

– Только обедать потом все равно будете!

Настя с Антоном умчались в сторону дворца, а Катя осталась – села на соседней скамейке разглядывать и сортировать снимки. Тамара с Людмилой переглянулись, улыбнувшись. Обе чувствовали невольную симпатию друг к другу, как порой бывает с совершенно незнакомыми людьми. Тома, правда, несколько робела перед такой изысканной дамой и казалась себе слишком провинциальной, но все больше и больше поддавалась мягкому обаянию новой знакомой. А та с удовольствием разглядывала миниатюрную Тому: коротко стриженная зеленоглазая брюнетка, одетая в джинсы и простую футболку, выглядела сестрой собственной дочери, уже переросшей маму на целую голову. Не красавица, но вполне симпатичная и такая энергичная!

– Не заблудятся они? – спросила Тамара, оглянувшись на бегущих по аллее детей.

– Нет, Настя хорошо знает парк, мы тут часто бываем. Этим летом, правда, впервые: нога меня подвела – артрит замучил, даже трость пришлось завести.

– Хорошая у вас девочка!

– Вся в отца, – с нежностью произнесла Людмила. – Очень на него похожа. Ваша тоже в папу удалась, правда?

– Да, вылитая! Только, к счастью, поживей. А то папа у нас такой... задумчивый. Но надежный, заботливый.

– У вас хороший брак?

– Да не жалуюсь! А у вас?

– Я не замужем, одна Настю рашу.

– Так вы вдвойне героиня! Он что, бросил вас?!

– Нет, это совсем другая история...

Людмиле явно хотелось выговориться перед незнакомым человеком, а Тому разбирало женское любопытство:

– Ой, простите, я не подумала! Он умер, да?

– Нет. – Людмила улыбнулась. – Жив-здоров. Дело в том... Боюсь, вы меня осудите!

– Ну что вы! С какой стати мне вас осуждать? – Тамара слегка покраснела, потому что, честно говоря, уже осудила: в таком возрасте заводить ребенка просто безответственно, а без мужа – тем более!

– Дело в том, что он женат. И гораздо моложе меня.

Вот это да! У Тома загорелись глаза – она обожала скандальные житейские истории аля Пугачева – Галкин! Обсуждая сложные романы и любовные многоугольники звезд шоу-

бизнеса или знакомых, она каждый раз испытывала чувство глубокого морального удовлетворения: у нее-то самой все правильно и стабильно. Всякое, конечно, случалось... Но ведь она справилась!

Как можно – изменять, разводиться, соблазнять чужих мужей, заводить романы с юнцами, рожать детей вне брака?! И оправдывать все любовью?! Это же безнравственно! Должно же быть чувство долга! А поскольку все вокруг нее только и делали, что разводились и заводили романы, Тома привыкла смотреть на окружающую действительность с брезгливой снисходительностью, как правоверная среди язычников, никак не поддающихся перевоспитанию. Но надо же было узнать подробности, и она постаралась как можно более естественно произнести сочувственным тоном:

– Ой, в жизни всякое может случиться!

– Именно так это и произошло – совершенно случайно! Он тоже москвич, в командировку приезжал. И так получилось, что... У них с женой была в этот момент сложная ситуация... Он сильно переживал! Это вообще очень эмоциональный, тонко чувствующий человек. Ну, в общем, я его пожалела. И теперь у меня есть Настя.

– И вы больше не виделись?!

– Нет, почему? Мы видимся довольно часто. Он помогает нам с Настей, не оставляет. Дочка, правда, не знает, кто он. Я сказала – друг отца.

– А как же вы Насте про отца объяснили?

– Да, это была проблема! Пришлось похоронить, к сожалению. Якобы авария. Ведь там жена, дети. Я совсем не хотела ничего разрушать! Потом у них все постепенно наладилось. Как ни странно, именно я помогла ему вернуться в семью.

– И вы никогда не чувствовали себя обделенной?!

– Нет, что вы! Я так благодарна судьбе! У нас с мужем детей не было, и я уже потеряла надежду. Муж умер, а потом я встретила Диму, и вот...

– Диму?! Надо же! Моего тоже зовут...

И в этот самый момент вернулись Антошка с Настей, притащившие пакетик с пачками мороженого для двух мам и Кати – свое они уже съели по дороге. Антошка еще издали закричал:

– Мам! Ты представляешь?! Мам!

– Антон! Не кричи так, сколько раз говорить!

– Мам, а у Насти такая же фамилия, как у нас! Артемьева! Правда, здорово?

В голове у Тамары вдруг что-то щелкнуло, и, еще боясь поверить до конца, она медленно спросила у Людмилы:

– А кто он по профессии? Ваш Дима?

– Дима? Программист.

– А Настя когда родилась? В каком месяце?

– В марте, чуть-чуть не дотянула до восьмого...

Тома вскочила и дрожащим голосом сказала детям, которые смотрели на нее с удивлением:

– Мы сейчас же уходим! Катя, Антон, пошли!

– Мам, ты что?! Мы же хотели... с Настей...

– Мама, с тобой все в порядке?!

– Тамара, что случилось?!

– Голова! Мигрень! У меня бывает! – Голова у нее болела очень редко, но надо же было как-то объяснить свой порыв. В уме у Тома крутились обрывки разговора с Людмилой и, словно пазлы, складывались в четкую и ужасающую картинку: тоже москвич... женат... гораздо моложе... приехал в командировку... программист... очень эмоциональный, тонко чувствующий человек...

Артемьев Дима!

И если Настя родилась в марте, то встретились они с Людмилой в июне!

Девять лет назад!

Как раз тогда, когда у них с Димкой...

Как Людмила сказала? Была сложная ситуация?

И Настя!

Она так напоминает ее собственную Катю!

Обе светленькие, с серыми глазами...

Значит...

Обе похожи на своего отца.

Боже мой!

Весь мир для Тамары перевернулся. Она решительным шагом направилась к выходу из парка, дети, переглянувшись, последовали за ней – они знали: когда мать в таком настроении, ей лучше не перечить. Катя виновато обернулась к изумленной Насе и растерянной Людмиле:

– Простите, пожалуйста! Не знаю, что на нее вдруг нашло? Мы вам очень благодарны за экскурсию! И вообще!

– Да ничего страшного, не переживай... Мигрень – это очень тяжело, я знаю...

Томка Шилова и Димка Артемьев знали друг друга с младенчества – выросли в соседних квартирах. Жили они в подмосковном поселке Филимоново, располагавшемся километрах в пятнадцати от Кольцевой. Вроде бы недалеко от столицы, но на редкость неудобно – электрички останавливались редко, особенно после того, как станцию переименовали в платформу.

Застроен поселок был хаотично и неравномерно: деревенские улицы с пасущимися козами и квохчущими курами, овраги, неожиданные лесочки, одинокая кооперативная кирпичная пятиэтажка, в которой и жили долгие годы Шиловы и Артемьевы, пока Димка с Томкой не купили квартиру в райцентре; остатки деревянных бараков и два крошечных микрорайона: первый состоял из трехэтажных домиков, построенных еще в 1950-е годы, а второй – из белых хрущоб в пять этажей.

Семьи Шиловых и Артемьевых удивительным образом походили друг на друга, как негатив и позитив в фотографии: если у Артемьевых отец был наладчиком на заводе металлоконструкций, а мать – бухгалтером, то у Шиловых, наоборот, экономистом был отец, а мама работала шлифовщицей. У Артемьевых – две дочери-погодки и сын Димка, появившийся на свет спустя восемь лет после сестер. У Шиловых – два сына и дочка следовали друг за другом, как вагончики товарного состава. И если у Шиловых имелся дед – балагур и выпивоха по прозвищу Шило, то у Артемьевых, в пару к соседскому деду, была бабушка Поля – тихая и ясная, как цветок полевой, как говаривал тот же дед Шило.

Димка с Томкой тоже представляли собой некое единство противоположностей: тихий задумчивый мальчик не расставался с книжками – бойкая энергичная девчонка была главной заводилой класса. И даже внешне они совершенно разные: светловолосый Димка, хрупкий и болезненный в детстве, к концу школы сильно вытянулся и окреп, а смуглянка Томка, буйными черными кудрями пошедшая в деда, так и не выросла, чему втайне сильно огорчалась.

Их общая подруга Варвара однажды так объяснила разницу человеческих темпераментов: «Энергии всем людям одинаково отмерено, только у нас с Димкой она спокойно по организму растекается, как вода в пруду, а у тебя, Том, ей разгуляться негде, вот она и прет наружу! И вышел из тебя веник с мотором. А мы с Доном – спокойные, как в танке».

Димка, получивший свое прозвище Дон Артемио с легкой руки учительницы литературы, усмехался про себя: он один знал, чего стоит это спокойствие. Прозвища были почти у всех в классе: Варька, конечно же, Варешка, а Томку все звали Тигрой. Никто уже не помнил, откуда взялась эта кличка, но в Томке действительно было что-то от тигренка, готового чуть

что зарычать, прыгнуть и оцарапать. А то и укусить. Вот и сейчас – она вспыхнула и вскочила, зашипев:

– Спокойные они! Сонные тетери, вот вы кто! Живете, как жвачку жуετε: ах-ах, лютики-цветочки! Ну и целуйтесь теперь друг с другом, раз так! – и побежала от них к пруду.

– Тигра! Эй! Ты что?!

– Да брось, Дон, – тихо сказала Варька. – Вечно ты вокруг нее пляшешь! Остынет, придет. Подумаешь, чего я такого сказала-то?!

– Она на веник обиделась.

– Да чего обидного-то?!

Но Дон ее уже не слышал – побежал догонять Томку. Тигра сама знала, что вспыльчивая. И обидчивая: иногда так накатывало! Просто насквозь пронзало иглой горькой обиды. Вот как сейчас. Конечно, разве они могут понять, каково это – смотреть на всех снизу вверх! Метр пятьдесят пять! И сколько ни тверди себе: «Мал золотник, да дорог», лучше от этого не становится. Вон Варька – вокруг нее мальчишки так и выются! Еще бы – спортивная, красивая! И грудь что надо, а у нее самой сплошное недоразумение. И кудри эти дурацкие! Нет бы как у Варьки – прямые, пепельные...

Как всякой женщине, Томке решительно не нравилась ее собственная внешность. Она много часов провела, пытаясь как-то распрямить непослушные завитки, и в конце концов стала очень коротко стричься, назло всем. И нос у нее не такой, как надо, и губы слишком узкие, а глаза – вообще кошмар! Глаза были зеленые в коричневых крапинках, словно в веснушках, а в левой радужке одна такая «веснушка» оказалась очень большой – словно глаз хотел было стать карим, но передумал. И как Димка ни уверял ее, что это очень мило, Томка не верила.

Тигре хотелось, чтобы вокруг нее тоже вились мальчишки, только приличные, а не такие, как этот придурок Кузьев, который не дает проходу Варваре! Но приличных парней было раз-два и обчелся. Варькиного друга детства Игоря Котова они из приличных вычеркнули: он променял Варвару на какую-то шалаву из барака, и это после того, как... Томка делала большие глаза и краснела, слушая подробности, изложенные жарким Варькиным шепотом, – они-то с Димкой только целовались, а эти... Ничего себе!

Так что Варька держалась за Димку изо всех сил – уж он-то был самый что ни на есть приличный. Хотя и малахольный. «Лютики-цветочки» – это в его адрес. Конечно, вполне возможно, что там, в неведомой взрослой жизни, которая должна была вот-вот начаться, Томка встретит кого-то еще – еще более приличного и совсем не малахольного, но не факт, что она сама ему понравится. А Димка – свой, знакомый, привычный. Тигра с малых лет считала Димку своей собственностью и не собиралась выпускать из рук. А кстати, где ж ее собственность?! Неужели так и сидит с Варварой на поломанной скамейке старого парка?! Обернуться, что ли...

Но оборачиваться не пришлось – Димка ее нагнал и подхватил на руки:

– Ага, попалась!

– Пусти! – Томке страшно нравилось, что Димка такой сильный – какое счастье, что он выправился и возмужал, а ведь был задохлик задохликом!

– Ах ты, Тигра! Ну что ты все шипишь-то, а?

– Да-а... А чего вы надо мной смеетесь?!

– Никто над тобой не смеется, не выдумывай. – Димка заглянул ей в глаза, и Томка поежилась: этого она не любила. Каждый раз ей казалось, что Димка видит ее насквозь. Поэтому Томка примерилась и поцеловала его. Они целовались с прошлого года – Димка, правда, особенной инициативы в этом деле не проявлял, поэтому Томка взяла все в свои руки: неужто она хуже Варьки, которая... прям вообще! Инициативы не проявлял, но откликался. Откликнулся и сейчас.

Они целовались, а вокруг медленно кружились опадающие листья кленов – осень! Последняя школьная осень. И в этом волшебном кружении их будущее тоже казалось сияю-

щим, как пронзительно синее небо над головой, как золотые листья, порхающие вокруг сказочными птицами в солнечном оперении, как сверкающая вода в пруду...

Впрочем, все это видел только Димка. А Тигра ничего такого не увидела бы, даже открыв глаза. Никакого сияния. И вообще, что такого особенного в этих листьях?! Каждую осень Димка водит их сюда – любоваться кленами. Клены как клены. Ой, небо синее! Да оно всегда синее! Ну, почти. Точно малахольный. И Варька эта вечно на его стороне: ах, как красиво! И что делать с этой красотой? Любоваться? Ну, полюбовались минут пять, и хорош. Сколько можно?

Томке любоваться всякими листьями было некогда – она прорывалась сквозь жизнь, как сквозь поле боя. Попробуй выживи с двумя старшими братьями, которые гнобят тебя по полной программе: то в темной кладовке закроют, то на высокий шкаф запихнут, а то и накостыляют, не говоря уж о словесных издевательствах! Малявка, кнопка, мелочь пузатая, клопик-вонючка, Томик-гномик – еще самые безобидные прозвища, которыми они ее награждали. А пауки, собранные со всего дома и заботливо насыпанные ей в пенал?! Шишки, подложенные в постель?! Или еще хуже – вылитая туда же банка воды, чтобы утром прыгать вокруг и вопить: «Клопик описался!» Так что ей ничего другого не оставалось, как стать Тигрой.

Иногда, устав от бесконечных ребячьих драк, мама приводила Томку к Артемьевым, и та на какое-то время затихала, хлюпая носом и замороженно слушая, как Димка читает вслух, а баба Поля в это время стряпала для них булочки с корицей, которые Тигра обожала. Но надолго ее не хватало – темперамент требовал действия. Сколько она успела расколотить стекло, разбить коленок, порвать штанов, набить шишек – хватило бы на пятерых! Однажды чуть не задохнулась, зацепившись воротником куртки за торчащую доску – доска была прибита поверх рубероида на крутой крыше старого сарая, с которой они катались, как с горки. Ее вовремя спас Кузьев-старший, очень кстати пришедший за мотоциклом, который там держал.

В школе Томкину энергию направили в мирное русло: во-первых, физкультура, во-вторых, Тигра вдруг увлеклась учебой, поставив себе тщеславную задачу стать лучше всех – в спорте ей не удалось добиться особенных успехов: быстро выдыхалась и не умела играть в команде. Сначала ее самолюбие было удовлетворено – отличница, единственная на два параллельных класса!

Но потом появились другие ценности. Дети выросли, подрастали, у мальчиков ломались голоса и пробивались усики, у девочек вдруг появились свеженькие груди и тугие попки: юбки становились все короче, начесы – пышнее, глаза – ярче. Любви, измены, выяснения отношений, а то и драки сотрясали десятый «А» чуть не каждый день. Ну и ладно, решила Томка, теперь самая маленькая в классе. И самая невзрачная, как ей казалось. Подумаешь, не очень-то и хотелось! Зато у меня есть Димка. Моя собственность!

За собственностью нужен был глаз да глаз – Дон нравился девчонкам, но, к счастью, проявлял завидное хладнокровие, слегка, Впрочем, огорчавшее Тигру, мечтавшую как-то продвигаться в их новых отношениях. Не то чтобы ей мало было поцелуев или так уж страстно хотелось секса, наоборот: Томка слегка побаивалась всей этой эротики. Но... Что ж, они с Димкой хуже всех, что ли?! Вон Варька! Да и остальные... И с Димкой не так страшно, он свой.

Хотя обе семьи только и мечтали их поженить, сообщение о свадьбе застало всех врасплох. Димка пошел в школу с восьми лет, потому что много болел. Восемнадцать ему стукнуло как раз в день экзамена по физике. Так что осенью Дона Артемию ждала повестка в военкомат. Томке восемнадцать исполнилось 23 августа: «Тоже мне, Дева! Какая из нее Дева – натуральный Скорпион!» – злословила толстуха Наташка Федотова, в очередной раз пострадавшая от острой на язык Томки. Поженились Дон с Тигрой 24 августа, выдержав нешуточные баталии с родственниками и друзьями: отцы с матерями и Димкины сестры дружно уговаривали не спешить, Томкины «братаны» насмешливо жалели бедного Димку, друзья недоумевали – куда торопиться-то?! И даже сам Димка вдруг предложил:

- Том, а правда! Куда мы спешим-то? Давай я отслужу, а там видно будет, а?
- А вдруг ты не вернешься?!
- Паду смертью храбрых?
- Да ну тебя! Мало, что ли, гибнут?! Вдруг тебя в Афган пошлют?!
- Да сейчас вроде как уже не посылают...
- А вдруг ты там подцепишь кого-нибудь?! Какую-нибудь девушку?
- В армии?!
- Там где-нибудь! Будут же у тебя увольнительные и всякое такое...
- А ты не подцепишь?
- Я?! Да кому я нужна!

И Томка вдруг горько заплакала: никто, никто не понимает, как она на самом деле не уверена в себе, как ей тяжело, как страшно остаться одной, без Димки! Хотя внешне, может быть, и казалось, что Тигра верховодит в их дуэте, она-то знала, как обстоит дело в действительности. Без Димкиной постоянной поддержки и участия, без его слегка насмешливой нежности она бы просто не выжила. Знать-то Томка знала, но редко допускала это знание в свою голову – еще чего! Нельзя показывать свою слабость никому, даже Димке. Поэтому она почти никогда не плакала и очень не любила, когда ее жалели. Но сейчас слезы лились ручьями, она никак не могла успокоиться. Димка обнял ее и посадил на колени:

– Ну, что ты, малышка? – Тигра ненавидела это идиотское «малышка!», но стерпела. – Бедная моя, глупая девочка... Куда ж я от тебя денусь, что ты! Никуда не денусь... Мы поженимся... Все, как ты хочешь! Только не плачь...

Он утешал ее, нежно глядя по голове, а потом поцеловал – раз, другой, все нетерпеливее. И поцелуи эти чем-то отличались от прежних – Томке, правда, некогда было заниматься сравнительным анализом качества поцелуев, потому что она тут же отключилась. А очнувшись, некоторое время оторопело моргала – так вот о чем ей толковала Варька! Пожалуй, это и правда здорово...

Они таки поженились и прожили вместе уйму лет, и родили сначала Катюшку, потом Антошку, но такую остроту ощущений, как при этих утешительных поцелуях, Томке довелось испытать всего пару раз – они с мужем занимались сексом подобно фигуристам, все время исполняющим одну обязательную программу и не подозревающим о существовании произвольной. Томка думала, что дело в ней: ну, не дано! Она даже не догадывалась, что Димку особенно возбуждает ее редко выдаваемая слабость – та женственная кротость и нежность, которую она считала «бабством» и изживала из себя, как могла.

Дама, в недобрый час встретившаяся ей в Царском Селе, была воплощенной женственностью, и сколько бы Томка ни восклицала про себя: «Господи, что он только в ней нашел?! Она же старая! И хромая!» – в глубине души понимала, чем именно Людмила могла привлечь Димку, ведь и сама сразу же поддалась ее теплоте обаяния: мягкая, внимательная, добрая, слушающая, сочувствующая. Другая женщина. Не такая, как Томка.

Возвращаясь из Царского Села в город, Тамара лихорадочно перебирала состоявшийся с Людмилой разговор – думала, анализировала, вспоминала. И назавтра занималась тем же – осталась в гостинице, отговорившись несуществующей головной болью, и отпустила детей одних:

- Только далеко не ходите, у нас поезд в четыре!

Катюшка клятвенно обещала, что они ни за что не станут забираться в питерские дебри, а покрутятся на Невском и Дворцовой площади. Тома собрала вещи, а потом улеглась на кровать и опять принялась вертеть калейдоскоп догадок и воспоминаний – и чем больше она этим занималась, тем больше уверялась, что все так и есть: Настя – Димкина дочь, а Людмила... его... любовница! Ей даже про себя было гадко произнести это слово. Тома только никак не могла понять, прекратились эти отношения или нет: с одной стороны – «я помогла ему вер-

нуться в семью», а с другой – «мы часто встречаемся»! И как это понимать?! Теперь она жалела, что так стремительно рассталась с Людмилой – вот дура! Надо было остаться, еще порасспрашивать, прояснить все до конца!

Что делать дальше, Тамара просто не представляла. Как выяснять отношения с Димкой?! И как поступить, если это правда? Разводиться?! Превратиться в одну из тех несчастных брошенных женщин, чьи кости она с наслаждением перемывала с приятельницами?! Ей, Томке Артемьевой?! Такой правильной, так гордившейся своим идеальным браком! Или закрыть глаза? Простить? А если он не захочет расстаться с той женщиной?!

Вернувшись домой, она не сказала мужу ни слова. Но чем дальше тянула с разговором, тем страшнее было начинать. Так больно было почти в сорок лет осознать, что ее идеальный брак, в котором были все признаки полного благополучия, – только фасад, за которым двое совершенно чужих друг другу людей создают видимость счастливой семьи. Ради чего? Ради детей? Почти половину семейной жизни – девять лет! – прожили они во лжи.

Господи, что же делать? Как жить? Кто посоветует? Самой близкой подругой Тамары была, конечно, Варька, но Тигра привыкла относиться к ней слегка свысока, как благополучная семейная дама к неудачнице: то один мужик, то другой, а толку никакого. И как теперь рассказывать Варваре о Димкиной измене?! Она же будет злорадствовать или, хуже того, жалеть!

И так проходил день за днем – в постоянных размышлениях, душевных терзаниях и воспоминаниях. Только на работе Тома отдыхала от тягостных мыслей, преображаясь в уверенную и строгую, но справедливую, как ей казалось, начальницу – не ведая, что подчиненные считают Тамару Алексеевну законченной стервой и зовут Тигрой: детское прозвище возродилось, но уже совсем с другим оттенком смысла.

Томке нравилось руководить и наводить порядок, сознавая, что, как бы ни старались ее подчиненные, им далеко до ее блистательного совершенства: идеальная документация, точнейшее соблюдение сроков, а отчетность – комар носу не подточит! А поскольку среди подчиненных были в основном женщины, Томка старалась и тут держать фасон: хотя она с гораздо большим удовольствием одевалась бы в джинсы и кроссовки, приходилось щеголять в офисном костюме. Сначала она мучилась в туфлях на шпильках, но потом отказалась от лишних страданий: даже на десятисантиметровых каблуках Тамара Алексеевна была ниже любой из этих голенастых девиц. Но зато она прекрасно научилась смотреть на них свысока, распекая за бесконечные ошибки и ляпы.

Мужчин было трое, не считая директора, и один из них особенно нравился Тамаре, потому что чем-то неуловимо напоминал Димку – хотя тот никогда в жизни не ходил с длинными волосами, завязанными в хвост, не носил в ухе серьгу и не делал татуировок. Майкл, системный администратор, на самом деле просто Миша. За ним одним Тамара признавала право быть более компетентным, чем она сама: как ни бился с ней дома Димка, она с трудом разбиралась в компьютерных сложностях, тем более в новых банковских программах, где сам черт ногу сломит. А Майкл объяснял очень понятно и совершенно ее не боялся, разговаривая, как со сверстницей, хотя был лет на десять моложе. Это несколько смущало Тамару, но Майкл так общался со всеми, даже с грозным директором, и ему сходило с рук – уж больно солнечная улыбка была у парня, да и специалист он каких поискать.

Но как ни отвлекалась Томка на работе, сколько ни засиживалась там, без толку перебирая бумаги, домой надо было возвращаться. Там ждали вечные заботы, дети, муж, при одном взгляде на которого у нее холодело внутри: все тот же родной, привычный Димка, как всегда слегка отрешенный от действительности. И от нее самой. Тома прекрасно знала, когда началось это отчуждение. И знала, кто в нем виноват. За несколько месяцев, прошедших с того проклятого дня в Царском Селе, она столько передумала, столько вспомнила, копаясь в себе, сколько не думала и не копалась за всю сознательную жизнь!

Она страдала молча, не в силах решиться на разговор с мужем, в отчаянье от несовершенства мира в целом и собственного в частности: она ведь тоже совсем не идеальна, если муж изменил! Все эти мысли, словно нарыв, который никак не может прорваться, отравляли ей душу и тело – впервые в жизни у Тамары, почти никогда ничем не болевшей, вдруг начались какие-то странные блуждающие боли: то вдруг начинал ныть совершенно здоровый зуб, то стреляло в висок, то ломило локоть...

Ей не приходило в голову поговорить с дочерью – что она может понимать, в четырнадцать-то лет?! А Катя догадывалась о многом – не зря же тогда сидела на соседней скамейке, откуда прекрасно слышала разговор матери с Людмилой. Она, конечно, переживала и тоже не знала, что делать. Поэтому внимательно присматривалась и прислушивалась к родителям, но ничего особенного не замечала, просто мама была непривычно тиха и молчалива. Но тем не менее в воздухе постепенно концентрировалось электричество, как перед грозой. И, как обычно бывает, гром грянул все-таки неожиданно.

– Катюш, а мама что, не приходила? – спросил Дима. Было довольно поздно, и он удивился. – А вы поужинали? Антошка уроки сделал?

Катя, не отрываясь от компьютера, покивала.

– А ты не знаешь, что в последнее время происходит с мамой? Она здорова? Все в порядке? А то она что-то очень мрачная. И, по-моему, опять курит.

Катя повернулась к отцу и вздохнула:

– Да вроде здорова. Это другое. Пап, а вы с ней ни о чем таком не разговаривали?

– О чем таком?

– Знаешь, кое-что случилось! Только я не уверена, что могу с тобой это обсуждать...

– Кать, раз начала, давай! Что за тайны мадридского двора?

– Ты только не волнуйся! Понимаешь, когда мы были в Питере... В общем, в Царском Селе мы познакомились с одной женщиной, Людмилой. У нее дочка Настя...

– И что?

– Тебе это ни о чем не говорит?

– А должно?

– У нее фамилия – Артемьева! У Насти!

– Ну, мало ли однофамильцев.

– Пап, ты только не сердись, но мама, мне кажется, решила, что это твоя дочь...

– Что?! Господи, да с какой стати она так решила?!

– Она долго с той женщиной разговаривала! Я слышала краем уха. Но не сразу поняла, от чего мама так внезапно сорвалась: сидели, мирно беседовали, и вдруг – всё, уходим! А когда увидела, что фоток нет, меня осенило! Мама все фотографии с ними уничтожила, с Настей и Людмилой! Я не сразу заметила, она как-то втихаря это сделала, а фоток у меня очень много! Представляешь?! Влезла ко мне в компьютер и уничтожила!

– Кать, это бред какой-то...

– Я как Настю увидела, все думала, почему она кажется мне такой знакомой, а тут поняла: она на тебя похожа!

– Что за чушь...

– Папа, только ты не думай, я тебя не осуждаю совсем! Я на твоей стороне, правда!

– Кать, ну что ты такое говоришь?!

– Папа, я все понимаю! Я взрослая! Думаешь, я не знаю, как вы с мамой жили? Все же у меня на глазах!

– А разве мы с ней плохо жили?!

– Я тебя умоляю! Она же никогда тебя не ценила! Всегда... всегда относилась к тебе... снисходительно! Словно ты недотепа какой-то! А ты самый лучший! – В голосе у нее зазвенели

слезы. – Я всегда так переживала! Эти шуточки ее дурацкие! Ей смешно было, что ты такой романтичный, сентиментальный! Что стихи читаешь! И пишешь!

– Это я – сентиментальный?!

– А то нет?! Ты все понимаешь, а мама никогда! У нее или черное, или белое! Она же всегда права! А ты... Ты всё для мамы... и даже цветы! А ей наплевать! Ей на всех нас наплевать! Лишь бы учились хорошо, а что в душе делается... И ведь советы всегда дает, учит, как жить! И нас, и тетю Варю, и всех! Как это можно? Все равно что зубной врач, у которого ни разу зубы не болели! Она не знает, каково жить с разбитым сердцем! А мы знаем!

– Кто же разбил твое сердце, дорогая?! Почему ты мне не рассказала?

– Я не хотела, чтобы ты переживал! Да уже почти заросло, это так, трещинка была...

– Господи, Катька, когда ж ты успела повзрослеть? Девочка моя!

Они сидели, обнявшись, на старом диване и никогда еще не любили друг друга так сильно и мучительно, как сейчас.

– Мне кажется, ты несправедлива к маме. – Дима вытер слезы дочери и поцеловал ее зареванную мордочку.

– Да ты всегда ее защищаешь! Я никак не могла понять, почему ты все время ей уступаешь, а теперь понимаю. Это из-за чувства вины, да?

Они услышали, что хлопнула входная дверь.

– Мама пришла! Ты поговоришь с ней?

Дима некоторое время посидел, нахмурившись, – дочь с тревогой смотрела на его сдвинутые брови и дергающуюся скулу. А потом встал и вышел...

Димка нашел жену в кухне. Тамара коротко взглянула на него и отвернулась.

– Том, я знаю про встречу в Царском Селе. Катя рассказала.

Тамара присела за стол. Руки у нее дрожали, и она принялась было нервно тереть клеенку прихваткой, но тут же отбросила ее:

– Как ты мог лгать мне все эти годы?! У меня в голове не укладывается!

– Я тебе не лгал. Просто не говорил всей правды.

– Ты вел двойную жизнь!

– Ну и что?

– Как это – ну и что...

Томка в растерянности смотрела на мужа – таким она его еще не видела. Он был явно взволнован, но, похоже, нисколько не раскаивался!

– Почему ты сразу мне ничего не сказал?!

– А надо было? Может, надо было и бросить тебя, беременную? Ты бы так хотела? Остаться одной с двумя детьми? Если забыть про мою двойную жизнь, разве за эти годы был хоть один день, хоть один час, когда ты чувствовала себя несчастной? И ты, и дети? У нас образцовая семья, идеальный брак. Ты не забыла, как хвалилась перед подругами? Я же все делал, как ты хотела, всегда. В чем ты можешь меня упрекнуть? Не пью, даже не курю, слова поперек тебе ни разу не сказал, все деньги в дом. Ну, почти. Во всяком случае, никогда тебе ни в чем не отказывал.

– Конечно, просто идеальный муж! А то, что ты изменял мне всю дорогу, это ничего?!

– Скажешь, ты не была со мной счастлива?! – Димка совсем не хотел устраивать никаких скандалов, но слова дочери так больно ударили по самолюбию, что его просто понесло. – Тебе же такого мужа и надо было. Чтобы плясал под твою дудку! А ты хоть раз спросила, что мне нужно? Счастлив ли я? Хотел ли я такой жизни? Ты хоть раз поинтересовалась, о чем я думаю, чем вообще занимаюсь? Все, что мне дорого, тебе казалось смешным! Конечно, очень смешно, когда сорокалетний мужик любит цветочками или стишки на ночь почитывает! Да еще и пишет что-то по ночам, малахольный! Нет бы пиво жрал каждый вечер да телик смотрел, да? Я всегда тебя поддерживал, во всем, а ты? Никогда ни капли сочувствия...

– Нет, я не понимаю! Ты так все передергиваешь! Ты виноват, а получается, что это я должна каяться?!

– Да, у меня была другая, параллельная жизнь! Но иначе... я бы не выжил. И я старался. Очень старался. Я не мог бы относиться к тебе лучше, даже... если бы любил. Прости.

Томка смотрела на него, медленно моргая:

– Ты... не любил меня? Никогда?!

– Да любил, конечно. Как я мог тебя не любить – я сто лет тебя знаю, уже почти родственники. Но это не та любовь! Да и ты ко мне просто привыкла. Друг, потом муж. Очень удобно.

– Тебе... так плохо было... со мной?!

– Все эти годы я жил с чувством вины – перед тобой, перед детьми, перед любимой женщиной. Перед самим собой, наконец. А теперь уже не понимаю, зачем я это делал. Я могу каждый день на коленях просить у тебя прощения, но знаешь, что самое интересное? Мне наплевать, простишь ты меня или нет!

Он ушел. Когда Томка выскочила в коридор, дверь за ним уже захлопнулась.

– Мам?! Это что? Папа ушел? Совсем?! – И Катя ринулась вслед отцу, а Томка повернулась, ушла в комнату и легла на кровать лицом к стене.

– Папа! Подожди!

Димка остановился и убрал мобильный телефон, на котором начал было набирать номер. Катя с разбегу кинулась ему на шею, и Димка закружил ее, как в детстве, а потом поцеловал – в одну щеку, в другую...

Катя смотрела на него большими глазами:

– Папа, ты уходишь насовсем? – Губы у нее задрожали.

– Милая, мы будем очень часто видеться! Не реже, чем раньше, я обещаю! Меня и так никогда не бывало дома, правда же? И мы сможем переписываться, звонить друг другу! Я тебя очень люблю! И Антошку! Я так виноват перед вами! Прости меня, дорогая!

– Да ладно, что ж теперь делать, – шмыгнув носом, сказала Катя.

– Береги себя!

– Пап, скажи, это ведь она – Леа? Да? Людмила?

– Откуда ты знаешь... про Леа?!

– Папа! Ты же сам разрешил мне читать твои книжки! «Письма к Леа» – у тебя на полке! Даже два разных издания! Я сразу поняла, что это ты написал! И псевдоним такой прозрачный: Арсеньев – Артемьев. Мне так понравилось! Я даже плакала!

– Но как ты поняла, что это я?!

– Я тебя узнала! Там столько твоего! Леа – это же Людмила, правда? Я, как вернулась из Питера, первым делом перечитала «Письма» – она так похожа! Знаешь, она нам всем понравилась! Даже маме! Пока она не поняла, что... ну...

Дима вздохнул:

– Катюш, маме я не стал говорить, она бы все равно не поверила. Но тебе скажу. Настя – вовсе не моя дочь. И эту женщину я совсем не знаю.

– Но как же...

– Это чудовищное недоразумение.

– Но почему же ты тогда уходишь?! Папа?!

– Потому что не могу больше так жить. И я прошу тебя – позаботься о маме. Я поступил с ней подло. Она не заслужила.

– Я не понимаю... Но... Она все-таки существует?! Другая женщина?! Или ты ее выдумал?

Но отец не ответил – еще раз поцеловал ее и ушел в ночь. Во тьме вспыхнул голубоватым светом экран его мобильного, и Катя долго смотрела на удаляющийся мерцающий огонек. А потом вернулась к матери.

Глава 2

Двадцать четыре часа из жизни мужчины

Высокая молодая женщина медленно брела по ночной улице – впереди бодро бежал маленький песик, белый с черными и рыжими пятнами.

– Чарлик! Пора домой! Хватит!

Но Чарлик сделал вид, что ничего такого не слышал, и с заинтересованным видом устремился за угол, натягивая поводок.

– Да что ж такое-то...

Песик обернулся, завилял хвостом и снова насторожил уши, потом коротко твякнул, всем видом показывая, что там, впереди, происходит что-то очень и очень интересное: ну, пойдём же! Женщина покачала головой – ладно, пойдём. Ничего интересного там впереди наверняка нет – пустая набережная, ночная Нева и разведённый Благовещенский мост. Но потом прислушалась и невольно ускорила шаг: кто-то громко читал стихи:

Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...

На набережной действительно было пусто, только на парапете площади Трезини стоял какой-то парень и, размахивая руками, во весь голос – очень выразительно! – читал Пушкина:

Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту...

Надо же! Меньше всего она рассчитывала увидеть такую сцену и невольно улыбнулась: забавно. Наверняка приедет. Ее привычное уныние вдруг как-то рассеялось. Молодой человек дочитал и поклонился в сторону Невы.

– Bravo! – воскликнула женщина и зааплодировала, а Чарлик пару раз твякнул, поддерживая. Молодой человек обернулся, увидел своих слушателей и покачнулся...

– Осторожно!

...Но выправился и легко спрыгнул на асфальт. Они оказались почти одного роста и, если бы могли видеть себя со стороны, заметили бы, что удивительным образом «рифмуются» друг с другом: темноволосая женщина в черных брюках и светлой ветровке – и белокурый молодой человек в светлых джинсах и темной рубашке. Но, кажется, Чарлик это заметил: он радостно напрыгивал на незнакомца, пытаясь лизнуть.

– Чарлик! Веди себя прилично!

Молодой человек опустился на корточки и затормошил песика, который повизгивал от радости и все-таки ухитрился пару раз лизнуть его в нос.

– Вы поздно гуляете! – сказал молодой человек, поднимаясь.

– Да, так уж вышло.

– Ведь это Васильевский остров, правда? Похоже, я оказался тут в ловушке: мосты развели, метро закрыто...

– Да, недавно развели.

– И никак не выбраться на ту сторону?

- Боюсь, что нет. Но Благовещенский мост часа в три сводят ненадолго, можете проскочить. Только все равно никакой транспорт не ходит, если только такси. Вам далеко?
- В Обухово.
- Прилично!
- А Благовещенский – это который?
- Женщина показала:
- Вот этот, рядом.
- Да, влип я. Увлёкся! Так светло – даже не верится, что ночь!
- Белые ночи.
- А я думал, они только в мае бывают!
- До середины июля.
- Здорово! Так мост в три часа сведут, говорите? Ещё часа полтора надо где-то прокантироваться... А давайте я вас с Чарликом провожу?
- Ладно, только с одним условием: по дороге будете читать стихи. Идет?
- О, этого – сколько угодно! Пушкина?
- Что хотите!
- Тогда – вот это:

В те ночи светлые, пустые,
Когда в Неву глядят мосты,
Они встречались как чужие,
Забыв, что есть простое «ты»...¹

Они медленно шли по полутемным переулкам. Чарлик трусил впереди, иногда оглядываясь, а женщина посматривала, чуть улыбаясь, на незнакомца, который читал одно стихотворение за другим. Наконец, она остановилась около углового дома:

- Ну вот, вечер поэзии окончен. Это мой дом.
- Понятно. А вы не знаете, поблизости нет какого-нибудь ночного кафе? Или хотя бы скамейку найти, а то я весь день на ногах...
- Кафе... Боюсь, что нет. Скамейки есть в Румянцевском парке – тут недалеко! Надо вернуться опять на набережную и налево. Правда, это немного подальше от Благовещенского моста. – Она некоторое время смотрела на своего спутника, потом, чуть усмехнувшись, решила: – Знаете что? Пойдемте-ка ко мне. Посидите, отдохнете. Чаю выпьете. Все равно я не засну.
- Это, наверно, неудобно. – Он быстро взглянул ей в глаза, и у женщины возникло неприятное ощущение, что любитель поэзии прочел ее мысли. Она слегка покраснела:
- Ничего. Ну что, идем?
- Спасибо. Вы меня просто выручите.
- Поднимаясь по лестнице, он не выдержал:
- Вы очень смелая женщина!
- Хотите сказать – безрассудная?
- А вдруг я какой-нибудь маньяк?
- А вы маньяк?
- Нет.
- Ну вот. Почему-то мне кажется, что маньяк не стал бы посреди ночи читать Пушкина над Невой.
- Вы уверены? Впрочем, если я и маньяк, то только литературный!

¹ Александр Блок.

На площадке четвертого этажа горел яркий неоновый свет, так что они смогли наконец разглядеть друг друга, и женщина подумала, что ее спутник гораздо моложе, чем ей показалось сначала, – лет двадцать пять, пожалуй. А молодой человек понял, что женщина несколько старше, чем он предположил: пожалуй, ей уже хорошо за тридцать.

Чарлик приплясывал и скулил около одной из дверей. Женщина сказала:

– Подождите, мне надо завести собаку! Это пара минут!

Вернувшись, она открыла дверь квартиры напротив и пригласила его войти, а заметив удивление, объяснила:

– Это не моя собака.

– Вы брали ее напрокат?!

Она засмеялась:

– Нет! Это собака Розы Михайловны, соседки. Я иногда гуляю с Чарликом, когда ей совсем отказывают ноги. А сегодня он еще и животом мается, бедный, поэтому пришлось... Но у меня все равно бессонница, так что... Проходите! Осторожно, там ступенька.

Он прошел на кухню и огляделся: довольно большое помещение, расположенное ниже уровня прихожей. Круглый стол, диван... резной буфет темного дерева...

– Я поставлю чайник. Что вы предпочитаете – кофе, чай? Есть зеленый.

– Да мне все равно. Спасибо. А где бы...

– Направо по коридору.

Когда он вернулся, стол был накрыт: заварной чайничек, заботливо укутанный полотенцем, тонкие чашки с розами, забавная масленка в виде кочна капусты, плетенка с хлебом, тарелки с ветчиной и сыром, хрустальная сахарница... Все разномастное, но уютное и явно старинное.

– Угощайтесь! Вы наверняка голодны.

– Спасибо!

Он размешал сахар в чашке затейливой ложечкой с витой ручкой и откусил сразу половину бутерброда с ветчиной, который она подала. Прожевав, вдруг отложил недоеденный бутерброд, встал и слегка поклонился:

– Простите, я не представился: Дмитрий Артемьев!

– Как красиво, – сказала она, улыбнувшись. – Прямо-таки девятнадцатый век: Артемьев, Иртенев, Арсеньев... Герой романа.

– Вряд ли я гожусь в герои романа. Простой программист.

– Вы тут в командировке, Митя? – Он как-то удивленно взглянул на нее, потом медленно ответил:

– Да, в командировке. Завтра домой. Мы тут охранные системы устанавливаем... в одной фирме. А вы?

– Что – я?

– Как ваше имя?

– Ах ну да! А я – Люся Попова. – И засмеялась, увидев выражение его лица. – Что? Не похожа я на Люсю Попову?

– Ни капельки! Вам это так не подходит! Я думал – Евгения, Ирина, Софья... Как-то так. Но Люся! Да еще Попова!

– Попова – девичья фамилия, а по мужу я Карчевская.

– А где ваш муж? Он не будет сердиться, что я здесь?

– Он умер.

– Простите!

– Ничего. Это было давно.

– Значит, вы Людмила?

– Нет, не Людмила. Леонида. Леонида Аркадьевна Карчевская.

– Боже, как изысканно! Я даже не знал, что есть такое женское имя – Леонида! А как же вас зовут близкие?

– Лёка. Тоже странное имечко, да? Это папа нас так назвал: Калерия – Каля, моя старшая сестра, и Леонида. Папа хотел мальчика, а получилась я. Такая девочка-девочка. Но я давно откликаюсь на Люсю, так проще.

– Люся... Нет, совсем не годится! Мне нравится Лёка! Можно, я буду так вас называть?

Разговаривая, они исподтишка рассматривали друг друга, то и дело встречаясь взглядами. Митя сразу оценил стройность и изящество этой высокой женщины – что-то балетное было в ее осанке, в легкой походке, в строгой грации движений. Темноволосая, белокожая, с яркими карими глазами и нежным ртом, верхняя губа которого чуть выступала над нижней, – Митя вдруг вспомнил княжну Кити из «Анны Карениной».

– А вы случайно не балерина?

– Балерина?! – Лёка рассмеялась. – Почему – балерина?

– Мне так показалось. В вас есть музыка. Вы словно танцуете. Даже когда просто сидите и не двигаетесь. Музыка все равно слышна.

– Танец маленьких лебедей?

– Скорее умирающий лебедь...

«А он не так прост, как мне показалось сначала, – подумала Лёка. – Такой непримечательный с виду, совершенно обычный парень, каких миллион. Не красавец, но вполне привлекательный, а глаза умные, внимательные, видящие. И улыбка! Когда он улыбается, словно вспыхивает свет...»

– Нет, я не балерина. Хотя немножко занималась балльными танцами. Давно, еще в школе. А вообще я преподаю английский язык. И французский. В университете, в академии, частные уроки даю.

– Два языка знаете, надо же! А я английский... с трудом.

– Вообще-то – семь. В разной степени, но семь.

– Семь?! Вот это да! А какие?

– Еще итальянский и испанский. Немецкий. И немножко иврит.

– А седьмой?

Она улыбнулась:

– Русский.

– А, ну да. Потрясающе! А почему вдруг иврит?

– Сестра уехала с мужем в Израиль. Потом и родители. У меня мама наполовину еврейка. Муж был намного старше меня, рано умер. Детей мы не нажили, он не хотел. Все говорил, что я молода, успеем. – Лёка встала и налила Мите еще чаю. – Когда он умер, родители мечтали, чтобы я к ним переехала. Я съездила в гости, но совсем переехать не решилась. Они в Ашкелоне живут. Небольшой такой город на побережье Средиземного моря. По нашим меркам, конечно, небольшой. Там все маленькое. Да и как бы я уехала! Тут свекровь, совершенно одинокая. И не очень мне там понравилось, честно говоря! Море, конечно... Но жарко, да еще хамсин. Это ветер такой – из пустыни. К тому же из сектора Газа ракетами обстреливают. Тревожно. И вообще – все чужое. Я не смогла бы без Невы, без сфинксов, без Васильевского острова. А вы москвич?

– Можно и так сказать. Работаю в Москве, а живу в ближнем Подмоскowie. Но это только говорится, что ближнее – часа два на дорогу трачу. В один конец. Такая дыра, это наше Филимоново! Вся жизнь в дороге. Своих почти не вижу: приезжаю к ночи, встаю рано...

– Своих?

– Жену, дочку. Вот. – Митя достал мобильник, пощелкал и показал Лёке фото маленькой девочки с бантиками. – Моя Катька! Пять лет!

– Милая какая! На вас похожа.

– Забавное существо. – Он посмотрел на фото, нежно улыбнулся и убрал мобильник.

– Вы так рано женились!

– Сразу после школы. Как восемнадцать стукнуло, так и... Я не хотел, честно говоря. Предлагал после армии пожениться. Но...

– Наверно, она боялась, что вы к ней не вернетесь из армии?

– Возможно. Но я бы вернулся. Правда, не из-за нее. Из-за бабушки. Бабушка меня вырастила. Она умерла год назад. – У Мити дрогнуло лицо. – Мне так ее не хватает!

– Вы очень ее любили, это видно.

– Да. А она – меня. Это был единственный близкий мне человек.

– Митя, почему же – единственный?! А ваша жена? Родные, друзья? У вас же есть друзья?

– Есть, конечно. Всегда можно пива выпить, о футболе поговорить. А жена... Мы знаем друг друга всю жизнь. Сколько помним себя, столько и знаем. Больше четверти века.

– Сколько же вам лет?!

– Двадцать девять. Недавно исполнилось. Мы жили в соседних квартирах, играли в одном дворе, с первого класса – за одной партой. Ее отец всегда называл меня зятем. Мы были обречены друг на друга, понимаете? Тили-тили-тесто, жених и невеста. Это мы. Все ждали, что мы поженемся. Да и выбора особого не было. Особенно для нее. В наших двух параллельных классах училось тридцать семь человек, из них парней – не больше полутора десятков. Только трое выбились в люди. Четверых уже нет в живых, остальные спиваются потихоньку. Так что...

Митя замолчал и помрачнел. Лёка подумала, что надо сменить тему: и зачем ее понесло задавать такие вопросы?! Какое ей дело до Митиной жены?!

– Вы первый раз в Петербурге?

– Да! – Он так выдохнул это «да», что Лёка подняла голову и взглянула ему в лицо. Митя явно взволновался – щеки загорелись румянцем, глаза заблестели: – Да! Я вообще еще нигде не был. В армии и то служил в Подмосковье, так повезло. Мы вчера приехали рано утром, сразу на фирму, работали допоздна, и сегодня тоже. Но закончили пораньше, и я сразу поехал в центр. Вышел на Невском... около Аничкова моста...

У него перехватило горло – Лёка смотрела с изумлением: это был совершенно другой человек.

– Это такое потрясение! Я просто бродил по городу куда ноги несли. Я столько читал о Петербурге, и вот... Это было... узнавание! Я вернулся, понимаете? «Я вернулся в мой город, знакомый до слез, до прожилок, до детских припухших желез...»

Он, волнуясь, читал Мандельштама, а Лёка слушала, чувствуя, как подступают слезы к глазам.

– Нет, это невозможно объяснить...

– Почему? Я понимаю! Знаете, вам обязательно надо съездить в Царское Село! В Лицей! Вы же любите Пушкина? Ну вот! Там есть одно место, в Лицее... В библиотеке! Я стояла у окна и думала: многое изменилось, но Лицей все тот же, и парк, и вид из окна – пусть вместо карет машины. И Пушкин точно стоял здесь, на этом самом месте и смотрел в это окно! Понимаете? И я так почувствовала его! Пушкина! Это было удивительно!

Митя вдруг взял ее руку и поднес к губам. Поцеловал, потом перевернул ладонью к себе и на секунду уткнулся носом, вдохнув аромат тела. Они некоторое время смотрели друг на друга – вглядывались, словно пытаясь понять: кто ты? Потом Митя отпустил ее.

– Пушкин, да-а... Вы знаете, сначала я увлекался Мандельштамом, Пастернаком... Бродским... Пушкин казался таким... таким школьным. Простым. Ясным. Чересчур простым и ясным. Но однажды взял с полки книгу – не глядя. Я люблю на ночь почитать стихи. Оказалось – Пушкин. Я открыл, где открылось, прочел случайное стихотворение и...

Он замолчал, задумавшись, потом покачал головой:

– Как глоток чистого воздуха! Знаете, осенью, когда заморозок и на траве иней? Так все прозрачно и холодно. А стихи... Это было наслаждение... почти чувственное!

И он прочел, рассеянно глядя на Лёку:

– «На холмах Грузии лежит ночная мгла... Блестит Арагва предо мною... Мне грустно и легко, печаль моя светла, печаль моя полна тобою... Тобой, одной тобой! Унынья моего ничто не мучит, не тревожит... И сердце вновь горит и любит – от того, что не любить оно не может...»

– Да, это прекрасно! – тихо сказала Лёка, чувствуя, как горят ее щеки. – Прочтите мне свои стихи. Пожалуйста!

– Почему вы решили, что я пишу?!

– А вы не пишете?

– Писал! В глубокой молодости.

– В глубокой молодости?! А сейчас что?!

– Ну-у... Сейчас ранняя зрелость!

– Вы не Близнец по зодиаку?

– Да! Как вы угадали?!

– Не знаю. Июньский?

– Вы будете смеяться, но я родился шестого июня. Как Пушкин. А кто вы?

– Вот это да! А я зимняя. Водолей. Так что там с вашими стихами? Прочтете?

– Нет. Они того не стоят. Да это даже не стихи были, а песни. Выучил полтора аккорда, пел все подряд, от Окуджавы до Высоцкого – и блатные, и дворовые, и свои. Никто и не знал, что мои. Школьный менестрель. Дон с гитарой.

– Дон? Дон Румата?

Митя чуть нахмурился и покачал головой:

– Как вы... Почему – Румата?!

– Ну, мне кажется, что вы – дон Румата. Не тот, за кого себя выдаете.

– Вы многое видите. Да, я все детство играл в дон Румату. Но прозвище другое – Дон Артемио. А про Румату никто и не знал.

– Почему вы перестали писать стихи?

– Я все время что-то такое сочиняю. Иногда записываю. Чаше... отпускаю.

– Но почему?!

– Почему? – Митя усмехнулся: – Уже всё написано до меня.

– А-а! Вон как! Это гордыня.

– Возможно. Но разве можно что-то написать после Мандельштама? Бродского? После Пушкина?! Что может быть прекрасней вот этого: «На холмах Грузии лежит ночная мгла»? Или: «Кто может знать при слове «расставанье», какая нам разлука предстоит, что нам сулит петушьё восклицанье, когда огонь в акрополе горит...»

– Но зачем быть вторым Мандельштамом или Бродским?! У вас должен быть собственный голос!

– Послушайте, вы даже не знаете, какую чушь я сочиняю!

– Не верю! Прочтите!

Митя прочел:

– «Она рисует белого льва и сирень на дверце, ладони ее подобны ливням, слова сетям, а он человек с отвесной осенью в сердце, и в каждом его зрачке молодой сентябрь...»

– Это ваши?! Такие прекрасные?!

Он помотал головой:

– Нет, не мои. Это Сергей Шестаков: «Вычитающая из будущего, складывающая со смертью, умножающая на завтра, делящая на вчера, хорошо нам вместе ловить сетью огоньки живого влажного серебра...»

Они проговорили почти до утра, пропустив время сведения Благовещенского моста. Митя заснул на полуслове, и Лёка подсунула ему под голову подушку, накрыла пледом. Сама легла, не раздеваясь, на кровать поверх покрывала и долго смотрела в полутьму, потом задремала, и тотчас, как ей показалось, зазвонил будильник, поставленный на восемь – Мите к десяти надо было в офис. Такси она заказала еще вчера. Митя спал. Лёка присела на диванчик и потрясла его легонько за плечо:

– Митя, просыпайся! Сейчас такси придет!

Он сонно промычал что-то, тогда Лёка, улыбнувшись, подергала его за кончик носа. Митя отмахнулся, потом, так и не открывая глаз, вдруг обнял ее и опрокинул на диванчик, оказавшись сверху – с силой провел рукой по спине, по бедру, потом сжал грудь и поцеловал, она ответила, но, опомнившись, резко оттолкнула и... села на кровати, задыхаясь: это был сон! Просто сон... И тут же зазвонил будильник.

Голова у Лёки еще кружилась, когда она осторожно заглянула на кухню: Митя спал – точно, как в ее сне. Лёка сварила кофе, надеясь, что он проснется от аромата. Потом позвала, стоя у плиты:

– Митя! Вставайте! Кофе готов.

Он вскинулся и резко сел, уронив подушку и плед, взлохмаченный, сонный. Потер кулаками глаза, взглянул на Лёку и вдруг чудовищно покраснел, просто весь залился краской – подхватился и умчался в ванную, а Лёка прижала ладони к вспыхнувшим щекам: неужели ему снилось то же самое?! Какой кошмар...

– Спасибо! Спасибо... за все, – сказал Митя уже в дверях и как-то дернулся к ней, и Лёка потянулась к нему – то ли поцеловать, то ли обнять, но не сделала ни того, ни другого, оба нервно улыбнулись, и Митя с грохотом помчался по лестнице вниз. Захлопнув дверь, Лёка постояла, опустив руки, – в квартире стало удивительно тихо, только слышно было, как капает вода из крана на кухне. Она прибралась, допила остывший кофе, потом долго отмокала под душем, сушила волосы и грустно рассматривала себя в зеркале: бессонная ночь даром не прошла. В голове что-то тоненько звенело.

Словно со стороны наблюдала Лёка за высокой худощавой женщиной, которая рассеянно одевается, причесывается, медленно спускается по лестнице, бредет по набережной, входит в аудиторию, невнимательно принимает зачет у запоздавших со сдачей студентов, потом все так же рассеянно плывет обратно домой, покупает в магазинчике какие-то продукты, что-то готовит и ест, потом укладывается на кухонный диванчик, накрывшись пледом...

Проснулась Лёка от звонка в дверь, но, когда открыла, на площадке никого не оказалось: померещилось! Было почти пять, и остаток дня Лёка ничего не могла делать – она металась по квартире, переходя из комнаты в комнату: то прислушивалась к звукам на лестнице, то нервно барабанила пальцами по оконному стеклу. Она ждала Митю, сама не зная, чего на самом деле хочет: чтобы он действительно пришел или чтобы не возвращался. Лёка не помнила, во сколько отправляется его поезд, но наверняка ближе к двенадцати, так что самое позднее, когда он еще мог к ней заехать, было пол-одиннадцатого. Лёка решила, что будет ждать до десяти.

Решила! Как будто она могла что-то решить, как будто от нее что-то зависело! Ею владело тяжелое и мучительное чувство – такая сильная внутренняя боль, ломающая суставы и тянущая жилы, что она порой даже стонала, не в силах терпеть. Ближе к десяти Лёка начала себя уговаривать: «Все кончено, он не вернется, я больше никогда его не увижу... да это и к лучшему, зачем мне это нужно, совершенно незачем... и вообще, ему всего двадцать девять... так что все хорошо, все правильно... ничего, я сильная... справилась один раз, и сейчас справлюсь... ну, выучу еще китайский язык... или японский...»

И тут действительно прозвенел звонок. Она распахнула дверь. Митя стоял на площадке, с тревогой глядя на побледневшую Лёку, которая вдруг пошатнулась и упала бы, если бы Митя,

быстро шагнув вперед, не подхватил ее. Очнулась она все на том же кухонном диванчике – Митя сидел рядом, растирая ее ледяные руки.

– Господи, я что – в обморок, что ли, завалилась? – произнесла Лёка слабым голосом, пытаясь сесть, но ее опять повело.

– Тихо, тихо, полежи немножко! И часто ты падаешь в обмороки?

– Впервые в жизни...

– Дать тебе что-нибудь? Какого-нибудь корвалола? Или... Коньяка у тебя нет? Может, «Скорую» вызвать?

– Не надо ничего... Все нормально... Сейчас...

Она все-таки села, чувствуя невероятную слабость. Митя нежно погладил ее по голове, поправляя выбившиеся пряди:

– Тебе не удалось поспать днем?

– Немножко... Я не могла спать... Я так ждала тебя...

«Что я говорю, зачем?» – подумала она в панике, но остановиться не могла:

– Так мучительно ждала! А когда ты пришел...

– Ты испугалась, да?

– Да... Почему ты вернулся?

– Потому что ты ждала меня. И еще я придумал тебе имя!

– И какое?

– Леа.

– Леа? Красиво... Ты думаешь, это мое имя?

– Да. Я ведь тоже не Митя.

– А как же?!

– Я всю жизнь – Дима. Димка, Димон, Дон! И когда ты сказала «Митя», я удивился. Мне и в голову не приходило, что я могу быть Митей! Что я и есть – Митя! Понимаешь? Это было... как с Петербургом! Я вернулся в мой город, знакомый до слез...

Леа?

В течение жизни она обросла множеством имен, как днище корабля – ракушками.

Наверно, она какая-то не цельная, не то что сестра...

Или отец...

Они вырублены из целого ствола, а она – как наборный паркет, вся из кусочков!

Мозаика, кубик Рубика...

Интересно, каково это, всю жизнь зваться одним именем?

Лёка – косички с пышными бантами, удивленно распахнутые глаза, куклы и лошадки, завязанное горлышко, леденец за щекой, желтые кленовые листья в Летнем саду, красные ботиночки...

Леонида Аркадьевна – строгий пучок на затылке, туфли-лодочки, опять не взяла ведомость, заседание кафедры в семнадцать ноль-ноль, Иванов, как всегда, не сдал, became-became, begin-began-began и никакого dream-dreamt-dreamt!

Люська – стук каблучков по асфальту, шарфик вьется на ветру, привет, давно не виделись, замуж-то еще не вышла, позвони мне, где такую сумочку прикупила, и как тебе удастся быть такой худой, а я опять на диете, пока! Да, и не забудь: в субботу у Дашки! В пять!

Лёнушка...

Нет, нет, вычеркиваем!

Лёнушки больше нет, давным-давно умерла...

И вот теперь – Леа.

Мягкое и сильное, женственное и ленивое, крылатое и крадущееся...

Львица и лань.

Слишком много имен, словно смотришься сразу в несколько зеркал, и каждое чуть-чуть искажает образ – или показывает разные грани?

Митя смотрел на нее с нежностью, и Лёка вдруг опять испугалась того, что с ними происходит. «Слишком быстро происходит! Двадцать девять лет, жена, ребенок, и о чем я только думаю?!»

– Что же делать? – пробормотала она. – Что нам теперь делать?

– Может, ты меня покормишь для начала? Я ужасно хочу есть.

– Да, конечно! Что это я? Наверно, не обедал, да?

– Перекусил на ходу.

– А когда у тебя поезд?

– Поезд у меня в полночь. Завтра. Я менял билет, поэтому не сразу к тебе приехал.

Лёка отвернулась к плите и спросила:

– Ты был так уверен, что я...

– Нет. Я совсем не был уверен. Но подумал: если меня не пустят на кухонный диванчик, я всегда смогу переночевать на вокзале. Будет лишний день посмотреть город, только и всего.

Она подала ему тарелку и присела к столу, а Митя вдруг рассмеялся:

– Ты сейчас так похожа на мою бабушку! Она тоже, бывало, сядет, щеку рукой подопрет и смотрит. Всегда волновалась, поел ли я. Даже когда умирала. Знаешь, я ее голос до сих пор слышу. Она всегда говорила нараспев: «Ди-имушка пришел!» – И он вздохнул, вспоминая.

– Как она умерла?

– Тихо. Тихо жила, тихо умерла. От старости. Я и глаза ей закрыл. Мои все разъехались – родители, сестры. А я рядом, в соседней квартире. Она до последнего сама себя обслуживала. Не любила быть в тягость. Но, когда слегла, пришлось, конечно...

– Ты что, сам за ней ухаживал?!

– В общем, да. Сам. Ну, когда надо было... помыться, всякое такое... мне Варька помогала.

– Жена?

– Нет. Это друг. Мы учились все вместе. Она добрая, Варька. Милосердная. И не брезгливая.

– Прости, но почему – Варька? А жена что ж? Не милосердная?

– Она не могла. Не все же могут.

– Да, нелегко тебе пришлось. А у меня свекровь на руках была. Ненавидела меня. Но больше никого не осталось. Ни первая невестка, ни внуки не хотели за ней ухаживать...

– А почему ненавидела?

– Считала, я виновата в смерти ее сына. – Лёка встала и ушла к окну, отвернувшись от Мити. – Мой муж... Мы с ним... Преподаватель и студентка, классический случай. Он был порядочным человеком, решил сначала развестись. Это долго все тянулось. Я знала, как ему трудно, хотя он берег меня, не все рассказывал. Наконец, развелся, поженились. Три года прожили. Три года, два месяца и двенадцать дней. И все это время я чувствовала ненависть, направленную на нас. На меня. Его бывшей жены, сыновей. Его матери. Он... он умер во сне. А я ничего не заметила, не услышала, не почувствовала. Проснулась, он не дышит. И все.

– Боже мой! Бедная! – Митя вскочил и подошел к ней. – Можно, я тебя обниму?

– Нет.

Но он все-таки обнял – развернул ее к себе и обнял:

– Ты не виновата! Ты ни в чем не виновата!

– Ну да, конечно. Я все время себя убеждала, что не виновата. С того самого момента, как поняла, что он меня полюбил.

– Давно он умер?

– Давно. Очень давно. Мне было меньше, чем тебе. А сейчас мне... почти сорок. – И взглянула ему прямо в глаза. Митя не дрогнул:

– Даже не думал, что тебе может быть больше тридцати.

– Значит, хорошо сохранилась. – Лёка попробовала освободиться, но он не пустил.

– И ты все это время была одна?

– Да нет, почему. Правда, я долго приходила в себя. Года три, а то и четыре. Болела много. И со свекровью проблемы были. Потом попробовала жить дальше. Было два... два романа, назовем это так. Первый меня бросил. Сказал, слишком сложная. Нашел попроще. А второй... Со вторым я не смогла. Мы даже прожили вместе года полтора. Здесь, в этой квартире. И не смогла. Как представила, что он всю оставшуюся жизнь... Помнишь, как в «Иронии судьбы» Мягков говорил?

– Всю оставшуюся жизнь будет мелькать у тебя перед глазами? Туда-сюда, туда-сюда?

– Ну да. И не смогла.

– А если... если я буду мелькать у тебя перед глазами? Ты вынесешь?

– Митя! – Лёка наконец вырвалась от него и опять села за стол. – О чем мы вообще говорим?!

– Это потому, что у меня жена и ребенок, да? Зря я тебе сказал, ты бы так не переживала...

– И как ты предполагал это скрыть?! Послушай, я старше тебя. Намного.

– Это неважно.

– Как – неважно?!

– У души нет возраста.

– Но у тела – есть! Зря ты вернулся. У нас с тобой не может быть ничего. Никакого будущего.

– А будущего никогда нет. Есть только настоящее. Здесь и сейчас. И здесь, в этом настоящем, ты больше не одна.

– Ты уедешь и забудешь меня.

– И даже если я сейчас уеду и никогда тебя больше не увижу, ты все равно не будешь одна, потому что у тебя есть я. Где бы я ни был. А у меня есть ты, хочешь ты этого или нет. Ты – во мне, во всем вокруг меня! В воздухе, в невиской воде, в этих разведенных мостах. В стихах. «Я только запомнил каштановых прядей осечки, придымленных горечью, нет – с муравьиной кислинкой, от них на губах остается янтарная сухость, в такие минуты и воздух мне кажется карим, и кольца зрачков одеваются выпушкой светлой, и то, что я знаю о яблочной, розовой коже...» Это все – про тебя. Это ты! Твои каштановые пряди, карие глаза, твоя яблочная кожа. Видишь, я же говорил, что все уже написано до нас.

– И только и свету, что в звездной колючей неправде. Жизнь – не поэзия.

– Ты уверена?

– Послушай, ничего же не произошло! Мы просто разговаривали. И всё.

– Для меня – произошло. Где начинается измена? В постели? А если я с тобой за эти несколько часов разговаривал больше, чем с женой за год?! Если ты меня понимаешь так, как я сам себя не понимаю? Если мы с тобой говорим на одном языке?! Если я с тобой – настоящий я, а не... дон Румата под прикрытием?! Это измена или нет? Если я могу думать только о тебе? Если я все время хочу видеть тебя, чувствовать? Дышать тобой? Слышать, как ты смеешься! Знаешь, на что похож твой смех? После обильного снегопада сосны отряхиваются, взмахивают ветками, как крыльями, – снег летит и сверкает на солнце миллионами маленьких снежных иголок...

– Перестань! Ты говоришь это всем девушкам?

– У меня нет никаких девушек. И никогда не было. Только жена.

– Так тебе захотелось чего-то новенького?! Послушай, я все понимаю: вы с ней очень давно знаете друг друга, вот и заскучали, у вас какие-то нелады, но это пройдет...

– Да нет, у нас все хорошо. Просто идеальный брак. – Он усмехнулся: – Ты знаешь, меня часто посещала мысль: что произойдет, когда один из нас наконец влюбится? Должно же это когда-нибудь случиться! Но я очень надеялся, что это буду не я.

– Ты что – никогда не влюблялся?!

– Никогда. Никогда и ни к кому я не чувствовал того, что чувствую к тебе. И боюсь, что на самом деле все еще хуже – я не просто влюбился, я полюбил тебя. Ты ведь понимаешь разницу?

– Но мы же знакомы меньше суток! Ты совсем меня не знаешь!

– Я все о тебе знаю – о твоей бессоннице, об одиночестве, о потребности любить и быть любимой! Потому что я сам такой! Ты хотела моих стихов? Вот, пожалуйста:

Кому – недорого! – любви?
Вразвес, как семечки, в кулечек...
Нет никого, как не зови.
И одиночество меж строчек
Глядит, как крыса из норы –
Глубокой, черной, потаенной...
И задыхаются миры
От нежности неуголенной...

Может быть, это ты написала? Теперь ты веришь, что я тебя знаю? Ты всю жизнь стараешься избыть свою вину, тебе не с кем поговорить на твоих семи языках, и ты готова гулять с чужой собакой, лишь бы не быть одной! Я знаю, почему ты позвала меня вчера...

Лёка вспыхнула и закрыла лицо руками. Митя страдальчески сморщился, но продолжил:

– Ты подумала, это хороший шанс, правда? Молодой парень, здоровый с виду, стихи читает – не совсем идиот. И приезжий. Уедет и забудет случайную женщину. А у тебя, если получится, будет ребе...

– Прекрати!

– Прости.

– Это было секундное умопомрачение! Не знаю, что на меня нашло! Я тут же передумала! Все равно я не смогла бы! Ребенка не заводят от одиночества! Боже, как стыдно...

– На самом деле все совсем не так.

– Не так?

– Просто ты влюбилась в меня с первого взгляда...

– Пожалуй, эта версия нравится мне больше, – сказала Леа, внимательно глядя на граненую сахарницу, и рассеянно провела пальцем по ее стеклянному боку. Какое странное состояние: то жар восторга, то холод ужаса. Как во сне. И страшно, и сладко, и надо бежать, и невозможно двинуться с места. Ах, эта вечная игра – противоборство между мужчиной и женщиной, из которого оба выходят и побежденными, и победителями...

– А я влюбился в тебя еще до всякого взгляда.

– Как это?!

– Я тебя выдумал. А потом увидел на набережной, там, где сфинксы. Где-то в половине десятого, наверно.

– Около университета!

– Ты меня обогнала. У тебя потрясающая походка! И волосы развевались на ветру. Женщина с ветром в волосах... Я долго шел за тобой, потом потерял. Бродил там по переулкам,

заблудился. Потом вынесло к набережной. И когда ты вдруг вышла ко мне с Чарликом... Я чуть не упал в Неву!

– Так это был ты?! Кто-то насвистывал у меня за спиной! Что-то очень знакомое, я все пыталась вспомнить...

– Что походкой легкою, подошла нежданная, самая далекая, самая желанная! Да, это был я.

– Митя...

– Что, дорогая?

– Хорошо, пусть ты прав про меня. Но ты?! Тебе же есть кого любить и без меня!

– Ты понимаешь, ей не нужно то, что я мог бы дать. Не нужно! Ей удобно со мной, я идеальный муж – не пью, не гуляю, деньги зарабатываю. Но ей все равно, о чем я думаю, чем дышу, чего хочу. Все равно. Я предмет мебели. Деталь семейного интерьера. И все.

– Митя, а как же дочка?! Твоя дочка?

– Я всегда буду ей отцом.

– Ты знаешь, ведь на чужом несчастье своего счастья не построишь.

– А ты не думаешь, что эта палка – о двух концах?

– Что ты имеешь в виду?

– Вряд ли в моей семье будет счастье, если я несчастен. А без тебя... Понимаешь, меня замкнуло на тебе. Закоротило. Увидел, как ты идешь по набережной, а ветер играет твоими волосами, – и все. И я не знаю, что с этим делать. Как ни поверни, в любом случае кто-то будет страдать. Я действительно никогда не влюблялся. Мы поженились как-то... машинально. Особо не задумываясь. Потому что все этого ожидали. И я не собирался ей изменять, правда. В этом была какая-то особенная гордость: быть верным женщине, которой дал слово. И вот, пожалуйста... Может, этот город свел меня с ума? Но ты мне нужна. Ты... заставила меня снять маску. Быть собой. Понимаешь? И мне кажется, что ты тоже... Иначе зачем ты ждала меня? Так ждала, что, увидев, потеряла сознание?! Из-за меня еще никто не падал в обморок!

– Ты давишь на меня. Сильно.

– А ты не хочешь посмотреть правде в глаза.

– Я боюсь.

– Чего, дорогая?

– Я говорила тебе, как умер мой муж.

– А! Я понимаю. Ты боишься, что... что судьба нас накажет? Или Бог? Я в это не верю. Я не верю, что есть какая-то судьба, не верю, что кто-то – или что-то! – рассматривает в микроскоп каждый наш шаг и ставит нам двойки. Всё – в нас самих. И если ты ждешь наказания – ты его получишь. Ты же сама казнишь себя все эти годы. Болезнь – это просто болезнь. Смерть – просто смерть. Ты думаешь, если будешь примерной девочкой, с тобой ничего не случится? И кирпич на голову не упадет?

– Я не знаю. Все так стремительно происходит. Я уже смирилась со своей жизнью. Притерпелась. Знаешь, есть испанская пословица: «Если ты не имеешь того, что тебе нравится, пусть тебе нравится то, что ты имеешь». – И повторила по-испански: – «Pues no podemos haber aquello que queremos, queremos aquello que podremos».

– Красиво звучит. Похоже, я тоже так жил. Но больше не могу. И, может быть, все-таки стоит добиваться того, что тебе нравится?

Они долго молча смотрели друг на друга. Потом Митя медленно произнес:

– Птицы, рожденные в клетке, думают, что полет – это болезнь.

Лёка усмехнулась и опустила голову.

– Это не я придумал, прочел где-то. Ну ладно. Уже очень поздно, тебе надо отдохнуть. Я пойду?

Лёка тихо ответила, не поднимая головы:

– Оставайся.

– Спасибо. Не бойся, я больше не буду... давить. И если тебя пугает физическая близость, то это совсем не обязательно. Ближе мы уже не станем. Конечно, я об этом только и мечтаю, но... если ты не хочешь... я переживу.

– Хорошо. Я постелю тебе в большой комнате, там диван поудобней.

– Я могу пойти в ванную?

– Конечно! У тебя есть...

– У меня все есть. Даже зубная щетка. Я же командировочный.

Выплеснув друг на друга эмоции и сомнения, они оба вдруг успокоились, утомившись, и словно отдали свое будущее в руки той самой судьбы, в которую не верил Митя. Лёка невольно рассмеялась, увидев Митю в желтых клетчатых трусах до колен и синей футболке:

– Какой ты разноцветный!

– Разве? Зато удобно!

Он улегся, с наслаждением вытянул ноги, потом улыбнулся, приглашающе похлопав ладонью по краю дивана:

– Может, тоже приляжешь? Я подвинусь!

– Прилягу, – усмехнулась Лёка. – Но не с тобой.

– Эх, не везет... Ну, тогда хоть посиди со мной немножко, а?

– Сказочку рассказать?

– Хочешь, стихи читаю?

– Стихов, пожалуй, пока хватит. Расскажи мне о себе. – Лёка уселась на другом конце дивана, и Митя подвинулся, подобрав ноги.

– Особенно и рассказывать-то нечего. Я самый простой и обыкновенный...

– Ты какой угодно, но только не обыкновенный. И уж никак не простой. Кто твои родители?

– Мама – бухгалтерша, отец – наладчик.

– И как же вышло, что у бухгалтерши с наладчиком вырос такой... дон Румата? Да еще в какой-то дыре, как ты сказал?

– Сам удивляюсь! Знаешь, я в детстве любил думать, что меня подменили и где-то живет моя настоящая семья. А потом прочитал «Трудно быть богом», ну и... воображал себя доном Руматой.

– И как? Трудно быть богом?

– Очень. Особенно первые десять лет.

Сумерки постепенно сгущались, в комнате делалось темней, Митин голос звучал тише и глуше – давно пора было спать, но Лёка никак не могла заставить себя уйти и в конце концов заснула сидя. Задремал и Митя – задремал и вздрогнул, когда сонная Лёка сползла по мягкой спинке дивана и улеглась рядом, положив голову ему на живот, а рукой обняв ноги.

– Дорогая?! – Она не отвечала. – Может, ты пойдешь к себе? Ты совсем спишь!

Ну да, спит. Митя слегка подвинулся, но вышло еще хуже, потому что Лёка вытянулась поудобней и теснее прижалась, вздохнув, а ее рука оказалась в таком месте, что... Вот черт! Митя замер, затаив дыхание: так, спокойно! Представь, что ты... плюшевый медведь. Большой плюшевый медведь, которому совершенно безразлично, что Лёка дышит ему в живот, а ее рука...

«Медведь» закусил губу и старательно сосчитал до тридцати, потом осторожно, но решительно вывернулся из объятий Лёки и сполз на пол, облегченно выдохнув. Расположившись на кухонном диванчике, Митя накрылся пледом, сказал сам себе: «Так тебе и надо, Румата хренов!» – и тихонько рассмеялся. Хотя ему было вовсе не смешно.

Всего сутки прошли с того момента, когда он, обернувшись на возглас Лёки, чуть было не свалился с парапета в Неву. Всего сутки! Каких-то двадцать четыре часа – а вся жизнь

изменилась раз и навсегда. А еще через сутки он будет маяться без сна на верхней полке купе московского поезда, время от времени включая экран мобильного, на котором улыбается прекрасная Леа. Утром он отправит ей смс: «Я в Москве. Миллион раз: люблю тебя!», а потом, вздохнув, сотрет из памяти телефона и эту смс, и фотографию. И поедет домой, постепенно превращаясь из влюбленного Мити в обычного, ничем не примечательного Диму.

Дон Румата вернется в Арканар.

Глава 3

Побег из Арканара

Он был не такой, как все, и понял это довольно рано. Уже годам к трем Димка догадался, что бесполезно приставать к взрослым с вопросами, потому что они не знают ответов. Болезненный ребенок, не по возрасту задумчивый и мечтательный, он предпочитал играть один, тем более что старшим сестрам-погодкам Ане и Мане довольно быстро надоело нянчиться с живой куклой: когда он дорос до школы, сестер уже гораздо больше интересовали всякие танцы-шманцы-обжиманцы, как выражался Томкин дед Шило.

Растила Димку бабушка – от детского сада пришлось отказаться, потому что ребенок заболел после первого же дня, проведенного среди бойкой поселковой малышни. Отца Димка раздражал: «И что за соплю мы выродили?! Разве это пацан?!» Он-то мечтал и в футбол погонять с сыном, и порыбачить, а подрастет – так и пивка вместе шлепнуть, а тут... Вообще-то Димка раздражал всех, кроме бабушки: сестрам казалось, что братишка вечно путается под ногами, а мать ворчала, что мальчик совсем зачитался: «Опять с книжкой! Пошел бы воздухом подышал, мяч погонял!» Впрочем, мать ворчала, что бы он ни делал.

Читать он начал лет в пять и совершенно не понимал, зачем нужно гонять мяч. Буквам его научила бабушка, которая сама не слишком хорошо владела грамотой. Читал он все подряд, что попадалось под руку: детские книжки, газеты и журналы, учебники и хрестоматии сестер. Библиотеки в поселке не было, только в школе, да еще в районе, но туда одного не отпускали – далеко, а взрослым всегда было некогда.

Но в один прекрасный день Димка открыл настоящую книжную сокровищницу. Бабушка подрабатывала в доме отдыха «Залесье» – прибиралась, мыла посуду, а когда случался аврал, даже помогала на кухне. Димку она брала с собой. Сначала он цеплялся за ее подол, а потом осмелел и стал бродить по парку – тут-то, в одной из аллей, он и наткнулся на Художницу. Она сидела на низеньком стульчике перед какой-то странной штукой (потом он узнал, что это мольберт) – и тоненькой кисточкой рисовала пруд с ряской и кувшинками, виднеющийся в просвете между старинными липами. Димка посмотрел на картинку, на пруд – похоже. Но пруд на картинке казался немножко другим, как будто... волшебным! И солнечные блики, и нежно-зеленая ряска, и белые чашечки кувшинок, и темные стволы старых лип словно пришли прямиком из сказки про Ивана-царевича и Серого Волка, которую Димка недавно читал бабушке, пока та чистила картошку к обеду.

– Как красиво, – прошептал он, но Художница услышала и обернулась:

– Откуда ты взялся, малыш?

– Оттуда! – Димка махнул рукой в сторону дома. – Я с бабушкой пришел. Она посуду моет на кухне. Можно я посмотрю, как ты рисуешь?

– Посмотри.

Закончив этюд, Художница собрала вещи – время подошло к обеду. Она погладила Димку по голове и даже позволила понести матерчатый складной стульчик, сказав:

– Будешь моим пажом, хочешь?

Димка не знал, кто такой паж. Художница объяснила, что в давние времена у каждой дамы обязательно был юный паж, который держал веер, приносил цветы, подавал даме руку и открывал перед ней дверь.

– И носил складной стульчик, да?

Художница рассмеялась:

– Да!

Она была высокая, худощавая, с улыбочивыми светлыми глазами и длинной темной косой, перевязанной кожаным ремешком с желтыми висюльками. «Это янтарь», – сказала она. Про

янтарь Димка знал – в одном из старых номеров журнала «Наука и жизнь», который он, честно говоря, подобрал на помойке, он прочел про Янтарную комнату. Димка теперь сразу бежал разыскивать свою новую подругу, которую про себя называл Прекрасной Дамой. На самом деле ее звали Наташей. Димка ходил за Наташей хвостиком, с замиранием сердца следил, как на белом грунтованном холсте с помощью волшебной Наташиной кисточки постепенно оживает аллея старинного парка или ветка цветущего шиповника. Каждый день он удивлялся ее нарядам – в поселке никто так не одевался: работала Наташа обычно в брюках и старой мужской рубашке с разноцветными пятнами краски, но к обеду переодевалась в длинную цыганскую юбку или платье, тоже затейливое. Димка заглядывался то на серебряные браслеты, звенящие на ее тонкой руке, то на такие же звонкие серьги или необычное ожерелье, где янтарные бусины чередовались с деревянными, а Наташа, заметив Димкин восторженный взгляд, улыбалась и гладила его по голове.

Наташа вдруг захотела писать Димкин портрет – он страшно возгордился, хотя сидеть неподвижно оказалось тяжело, но зато можно было болтать о чем угодно, и обычно молчаливый мальчик разговорился и засыпал Наташу вопросами, на которые у нее, как ни странно, находились ответы.

– А я совсем не умею рисовать! – говорил Димка, глядя на Наташу широко распахнутыми серыми глазами. – А ты долго училась? А в школе меня будут учить рисовать?

– Дим, не качай ногой, пожалуйста! В школе есть рисование, да. А я училась в художественной школе, потом в Суриковском институте. Был такой художник – Суриков.

– А я знаю! Он боярыню Морозову нарисовал! Я видел картинку в журнале и запомнил! Она такая страшная, на санях едет и рукой грозит. Как Баба-яга. А еще краска есть – сурик. У него поэтому такая фамилия, да? Потому что художник?

– Даже не знаю...

– А я смогу научиться рисовать, как ты?

– Сможешь, я надеюсь. Но не так, как я.

– А почему?!

– Потому что будешь рисовать так, как только ты можешь. Потому что у каждого человека свой талант, свой дар, понимаешь? Кто-то рисует, кто-то поет...

– А я не умею петь... Я вообще-то ничего не умею.

– Как? Совсем ничего? Этого не может быть! У тебя обязательно есть какой-то дар, я уверена. Со временем он проявится. Из каждого гадкого утенка непременно получается прекрасный лебедь. Ты знаешь сказку Андерсена? Мама тебе не читала?

– Я сам умею читать! – гордо заявил Димка, потихоньку вытянув правую ногу, которая затекла. – Но про утенка этого не знаю...

– Сам читаешь? Молодец! А сколько тебе лет?

– Шесть с хвостиком!

– Да что ты? И даже с хвостиком! Ну ладно, отдохни немножко, а то устал, наверно?

– И ни капельки! Я еще сто часов могу так просидеть! – Но тут же слез с поваленного дерева и попрыгал, разгоняя кровь. – Уже можно посмотреть?

– Еще не совсем закончено, но посмотреть можно.

Димка подошел. С небольшого холста на него глядел худенький мальчик в шортиках и полосатой футболке – светловолосый, сероглазый, очень серьезный и тоже какой-то слегка волшебный.

– Это я?!

– Это ты. – Наташа обняла его за плечи и поцеловала в макушку. – Как, нравится?

– Нравится... Но разве это я? – Димка слегка недоумевал: то, что он каждый день видел в зеркале, было мало похоже на этого сказочного отрока. – У него глаза... светятся...

– Такие уж у тебя глаза. Ты очень необычный мальчик. И я уверена, у тебя есть дар. Ты должен пробовать себя – вдруг ты тоже Художник? Или Поэт?

– Поэт?

– Поэт пишет стихи. Ты знаешь, что такое стихи?

– Стихи? Знаю... Наверно...

– Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик! Тише, Танечка, не плачь...

– Не утонет в речке мяч! Это я знаю! Так это стихи? Да ну! Так и я могу!

– Ну-ка!

Димка еще попрыгал на одной ноге и выдал:

– Тигра никогда не плачет, у нее зеленый мячик! Тигра, выходи скорей, я принес тебе... желудей! Нет, не желудей! Мимы не мюмят момумей!

– Что-то?!

– Момумей! Мимы не мумят! Ну, ты что, не знаешь про Винни-Пуха и Тигру?!

– Ах, ну да! Тигры не любят желудей!

– Тигра любит орехи, семечки, сушки, всякое такое! Как белка! Могла бы и желуды вообще-то грызть... Или они горькие? Ты не пробовала?

– Нет, не пробовала! Но раньше, когда было голодно, делали из желудей кофе.

– Во время войны? Мне бабушка рассказывала про войну! Мне не нравится война. Зачем? Можно же договориться!

– К сожалению, не всегда.

– Ой, я придумал, как надо! Тигра никогда не плачет, у нее зеленый мячик! Тигра любит поиграть – бегать, прыгать и скакать!

Наташа рассмеялась:

– Замечательно! Ну, вот видишь, ты точно поэт! Правда, это стихи такие... детские. Игрушечные.

– А какие настоящие?

– Ну, например:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои –
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи.
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, –
Питайся ими – и молчи.
Лишь жить в себе самом уметь –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, –
Внимай их пенью – и молчи!..

– Краси-иво, – задумчиво протянул Димка. Он не все понял – что это такое: «Взрывая, замутишь ключи»? Про ключи он знал: здесь, в парке, был родник, и Димка иногда пил его

ледяную и сладкую воду, так не похожую на водопроводную. Зачем же его взрывать?! И почему «звезды в ночи», а не звёзды? Мысль изречённая? А не изречённая? Но «молчи, скрывайся и таи» ему было понятно и привычно, так же как и мир «таинственно-волшебных дум»: мальчик давно научился скрывать от взрослых свои мечты и фантазии.

Он мог долго сидеть, разглядывая цветущий жасминовый куст, в котором – уж он-то знал! – несомненно, жили волшебные существа, и, если замереть и прищуриться, их вполне можно было увидеть. Ранней весной он часами бродил вдоль первых ручейков, разглядывая образующиеся ледяные острова и заселяя их мелким сказочным народцем. А дома получал потом взбучку за промокшие ноги: «Ты опять заболеть хочешь?! Не ребенок, а горе!»

– Дим, а кто такая Тигра?

– Тигра? Вообще-то она Томка. Но похожа на Тигру. Умеет рычать и никого не боится. Это моя невеста. – Димка вздохнул: – Она в соседней квартире живет. Вообще-то мне не очень хочется с ней жениться, но они все говорят, что надо. Не сейчас, когда вырастем.

– А сама-то Тигра хочет?

– Вроде как хочет. Она говорит, я без нее пропаду. Потому что робкий. Она боится, что меня обижать будут. Но я не робкий, я просто драться не люблю. Только она ничего не понимает. Вот ты – понимаешь, бабушка понимает, а Тигра – нет...

– А чего именно она не понимает?

– Да вообще! И не видит ничего вокруг себя. А я вижу. Только объяснить не могу. У нас дом красный такой, кирпичный, знаешь? И когда закат... И березы там растут... Белые! А стена – красная! Так красиво! И грустно почему-то. А она не видит. Или весной! Листочки ма-аленькие, зелененькие и пахнут... И птичка поет, тоже такая маленькая, совсем незаметная... Или цветочки бывают желтенькие, видела? Гусиный лук называются. И я так радуюсь! Словно воды с газом напился! Весело и хочется побежать! Или даже полететь! А ей все равно, Тигре, – листочки, птичка. Она говорит, я малахольный. Даже и не знаю, как это мы будем с ней жениться... А ты женатая?

– Нет, я не замужем.

– А почему?! Ты такая красивая! Как Прекрасная Дама!

– Ну, наверно, потому что не нашла того, кто... понимает. И все видит вокруг себя.

– Я бы на тебе женился! Когда вырасту!

Наташа засмеялась:

– Ну, когда ты вырастешь, я уже стану бабушкой, и ты не захочешь на мне жениться.

– А у тебя же детей нету, раз ты не женатая? Или есть?

– Нет. – И Наташа помрачнела.

– Ну вот! Откуда же внуки возьмутся, если детей нету! Значит, ты никогда и не будешь бабушкой!

– Да, тут ты, пожалуй, прав. – И Наташа, горько вздохнув, потрепала его по волосам. – Пойдем! Пожалуй, следует перевести тебя из пажей в рыцари.

Наташа отвела его в библиотеку Дома отдыха и нашла сказки Андерсена – Димка прочел и про гадкого утенка, и про стойкого оловянного солдатика, и про Русалочку. Читал и плакал. Хорошо, что читал в парке, а то дома бы засмеяли: сестры и так дразнили его нюней и хлюпиком, а отец ругал слабаком и девчонкой. Поэтому Димка и научился ловко прятаться, не попадаться на глаза, делаться незаметным, сливаться с окружающей действительностью – так что иной раз и сам верил, что умеет превращаться в невидимку.

Ему все чаще казалось, что он попал сюда по ошибке – в эту семью, в этот дом, в этот поселок. В этот мир, который был настолько тесен и неудобен для его растущей души, что порой он впадал в настоящую истерику и горько рыдал, подвывая: «Хочу домой!», чем страшно пугал бабушку. Куда – домой? Димка не знал. Куда-то, где бы его понимали и... любили.

Ему так не хватало тепла, что он спал в обнимку с плюшевым медведем – старым, облезлым, с пуговицами вместо глаз и криво зашитым черными нитками боком. По-настоящему любила Димку только бабушка. И вот теперь – Наташа. Он чувствовал, как от нее веет нежным теплом, и мечтал: вдруг Наташа окажется его настоящей мамой и заберет... домой. Его и бабушку.

Но Наташа, конечно, никуда его с бабушкой не забрала, а, наоборот, сама уехала, потому что срок ее путевки в Доме отдыха закончился. На прощанье она подарила расстроенному Димке акварельку с птичкой, сидящей на кусте бузины, хотя он очень хотел Наташин автопортрет, который увидел в папке, но постеснялся попросить. Сам он дня три писал для нее стих – читал-то Димка хорошо, а вот писать получалось плохо. Он испортил кучу листочков из Маниной тетрадки – даже выписанные по клеточкам буквы получились кривыми и косыми, словно пьяными, и Димка огорчился. Он был не очень уверен, что у него получился именно стих, но так хотел выразить все томившие его чувства!

– Ты еще приедешь? – произнес Димка, и губы у него предательски задрожали. Наташа прочитала его творение, заплакала, присела к нему и обняла – очень крепко, а потом поцеловала несколько раз:

– Не знаю, миленький! Как получится! Береги себя!

И быстро села в автобус, с трудом сдерживая рыдания. Димка не плакал. Ни в этот момент, ни потом. Бабушка тревожно заглядывала ему в лицо, но мальчик держался. А вечером у него вдруг подскочила температура, и следующие три дня он провалялся в постели, хотя ни горлышко не болело, ни кашля с насморком не было.

А Наташа...

...приехала, когда он перестал ждать. Нашла его у родника, обняла, поцеловала – Димка задохнулся от счастья:

– Ты заберешь меня домой? – и крепко стиснул ее руку своей горячей ладонью.

Они прошли окольной тропкой к выходу из парка, потом к станции.

– А бабушка?

– Она потом к нам приедет, – сказала Наташа, убыстряя шаг. В электричке она купила ему мороженое, которое разносила по вагонам громогласная тетенька с большим зеленым ящиком на ремне, – Димка болтал ногами и смотрел в окно. Потом они ехали в метро, и Димка ни капли не боялся! Эскалатор ему понравился – здорово, лестница сама едет. И он все порывался идти «против течения». Лифт привел Димку в полный восторг – Наташа разрешила ему нажать кнопку седьмого этажа. Дома она накормила его гречневой кашей с котлетой – кашу Димка не очень любил, но мужественно съел. Потом он зарылся в книжки, выбрал «Приключения Нильса с дикими гусями», улегся на живот и читал до вечера, а Наташа...

...больше не приехала никогда. Но до конца жизни сохранила листок бумаги в клеточку с криво написанным синей шариковой ручкой «стихом»:

я хачу уехать стабой
домой!
может я и стану поет
но тибя тут нет

Постепенно Димкино горе притупилось, образ Наташи поблек в памяти, но даже спустя годы, проходя через парк в библиотеку Дома отдыха, он чувствовал, как болезненно сжимается сердце. А когда, разбирая после смерти бабушки ее вещи, наткнулся на акварельку с птичкой,

то на пару секунд превратился в шестилетнего мальчика и услышал голос Наташи: «Пожалуй, следует перевести тебя из пажей в рыцари...»

Спасли его братья Стругацкие. Если бы не их книжка, прочитанная в десять лет, неизвестно, выжил бы Димка или сломался. Школа далась ему с таким трудом, что поначалу он рыдал почти каждый вечер: «Я не хочу! Не хочу туда идти!» Но кто его слушал? Сестры смеялись, отец ругался, мать раздражалась, и только бабушка потихоньку утешала всхлипывающего Димку: «Ну, потерпи, потерпи, сыночка! Что ж делать! Все учатся, и тебе надо!»

Он не понимал, зачем обязательно надо?! На уроках Димка томился – все учебники старших сестер были прочитаны еще до школы. Рисовать учили, но как-то скучно – никаких птичек, да и получалось у него плохо. С мальчишками он не находил общего языка, сторонясь их шумных игр и яростных драк. Дружить с девочками было проще, но Димка сознавал, что тогда вообще станет изгоем и кличка «Девчонка» приклеится к нему намертво.

Поэтому он все время совершенствовался в своем умении становиться невидимым: не высовывался, не нарывался, скользил по жизни, перебираясь из одного темного угла в другой, уходил в свой внутренний мир, о котором не мог поведать никому, даже Тигре. Она первая бы посмеялась, хотя при случае защищала Димку действительно как тигрица – очень маленькая, но бесстрашная тигрица: она прекрасно умела драться, могла оцарапать и укусить противника до крови, и с ней предпочитали не связываться даже ребята постарше, тем более что Томкины «братаны» никому не позволяли обижать сестренку: надо – сами навалием!

Незаметный, средний, никакой, Димка и учился средне, хотя легко мог бы стать отличником – но зачем?! Ему хватало того, что отличницей стремилась стать Тигра – обойти всех, стать первой, самой главной! Да пожалуйста, сколько угодно. И он помогал Томке в этом, как мог. Со временем Тигра молчаливо признала, что робкий и малахольный Димка гораздо умнее, чем она, и не стеснялась пользоваться его умом и знаниями в собственных целях. Да и не такой уж он и робкий – просто, в отличие от нее, не лезет на рожон. В общем, они были хорошей парой. И если сначала Томка прикрывала приятеля, то потом, в старших классах, именно благодаря Димке она смогла чувствовать себя первой и главной – еще бы: маленькая Тигра не блистала особой красотой, но зато у нее был парень, да какой! Димка вытянулся, возмужал, его спокойная уверенность привлекала девчонок, к которым он относился с легкой снисходительностью: мало кто из юных красоток осмеливался строить ему глазки, помня о вспыльчивом характере его официальной подружки. Совершенно неожиданно Димка вдруг оказался впереди всех, даже Томки, по физике, а потом и по информатике. В этом тоже были виноваты братья Стругацкие, благодаря которым Димка заинтересовался научной фантастикой и устройством мироздания.

А произошла эта судьбоносная встреча так: Димка возвращался из районной библиотеки – читал он много, бывал там часто, и библиотечарша, горбатенькая Нина Васильевна, его уже хорошо знала. Она разрешала мальчику брать семь книжек вместо положенных пяти, хотя и удивлялась порой выбору этого худенького светловолосого паренька, решительно отвергавшего детские книжки, норовившего прихватить что-нибудь, не очень подходящее к его десятилетнему возрасту, и особенно интересовавшегося поэзией: первым делом Димка попросил у потрясенной библиотечарши Тютчева! Он, правда, не знал, что это Тютчев, просто прочел запомнившуюся строчку: «Мысль изреченная есть ложь – вы не знаете, кто это сочинил?» Уж очень ему нравилось слово – «изреченная»!

Димка брел к остановке автобуса, читая на ходу – он уже второй год ездил в район самостоятельно. Ему оставалось свернуть за угол, как вдруг книжка вылетела из рук – местные мальчишки окружили его кольцом. Настроены они были воинственно, и Димка понял, что дело плохо. Он опасался не столько за себя, сколько за книжки, которые разлетелись по кустам. Били его часто, обычно он старался убежать, но тут стал защищаться. Неизвестно, чем бы дело закончилось, если бы проходивший мимо мужчина не разогнал хулиганов.

– Ты как? – спросил он, разглядывая Димку, у которого из носа шла кровь, и дал ему платок.

– Нормально, – буркнул Димка.

– Молодец, не струсил! Один против шестерых! – Димка не стал уточнять, что не убежал он только из-за библиотечных книг. – Но слабоват ты, брат. Спортом-то совсем, что ли, не занимаешься? А надо бы! Ты ж мужчина! У меня вон сын, чуть постарше тебя, на карате ходит.

– Да меня не возьмут! Сами же говорите – слабый...

– А там особая сила не нужна. Это ж не бокс! А ловкость у тебя есть и координация движений хорошая.

Мужчина помог собрать книжки, и только дома Димка заметил, что их восемь, а не семь. Восьмая, которую он не брал в библиотеке, – без обложки и первых листов, довольно потрепанная. Откуда она взялась?! Содержание было напечатано в конце, Димка прочел: «Аркадий и Борис Стругацкие. Понедельник начинается в субботу. Трудно быть богом». «Понедельник» не произвел на него особого впечатления – так, забавно, конечно. Но вот «Трудно быть богом»! Димка прочел раз, другой, третий...

И в конце концов выучил почти наизусть. Он заболел этой книжкой, жил ею. Дон Румата стал для Димки образцом: если Румата смог существовать среди диких и невежественных аборигенов Арканара, то чем он сам хуже! У Димки открылись глаза – всю жизнь он чувствовал себя не в своей тарелке, словно инопланетянин, оказавшийся в чуждом и враждебном мире, и спасался, как мог. Но теперь... теперь он сам стал благородным доном Руматой! Несколько лет он играл в Арканар, потом перерос. Но фундамент его личности уже был заложен.

Он все-таки записался на карате и сам дома потихоньку накачивал мышцы: такого меча, как у дон Руматы, у него не было – надо было обходиться собственными силами. Первым делом он, конечно, прочитал все, что смог найти, о карате и понял, что их обучают не совсем тому искусству, о котором написано в книгах, а более простому и примитивному. Он постарался взять все, что возможно, от мастера, который не заморачивался никакими философскими понятиями и совершенствовал в основном тела своих юных учеников, надеясь, что с душами они как-нибудь сами разберутся.

А Димка выучил наизусть слова Гитина Фунакоси, популяризатора карате в Японии, судьба которого его поразила – тот тоже в детстве много болел и был очень слабым: «Как полированная поверхность зеркала отражает все, что находится перед ним, а тихая долина разносит малейший звук, так и изучающий карате должен освободить себя от эгоизма и злобы, стремясь адекватно реагировать на все, с чем он может столкнуться».

Димка не достиг в карате никаких особенных успехов, потом и вовсе забросил, но приобрел несокрушимую уверенность в себе и жил дальше в полном соответствии со словами Эрнеста Хемингуэя, которые Стругацкие взяли эпиграфом к своему роману: «Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах» – примерно так. Оружие действительно было всегда при нем – невидимое, но мощное: сознание собственной силы.

К пятнадцати годам он прекрасно вписался в окружающую действительность: научился и лихо свистеть, и шикарно сплевывать, и даже материться, когда надо, поддерживая идиотский разговор какого-нибудь Кузяева. Зрелище вечно поддатого отца отвращало его от пьянства, но пили все, и Димка...

...и Димка попробовал как-то водку: они сидели на берегу пруда, закуски почти не было, бутылки передавали по кругу, он глотнул раз, другой, третий – в голове как-то помутилось, и, увидев, что Кузяев облапил недовольную Варьку, вскочил и врезал тому ногой в грудь. Кузяев опрокинулся на спину, но быстро поднялся и пошел, матерясь, на Димку:

– Ну ты, Ван Дамм хренов! Сейчас получишь!

Димка ударил еще раз, уже рукой, потом опять ногой...

– Дон, перестань! Димка, ты что! – кричали перепуганные девчонки. – Да оттащите же его!

Наконец, навалившись сзади, двое парней постарше скрутили его. Кузьев лежал не шевелясь. Варвара опустилась на колени и пригнулась, вглядываясь, но тут же отскочила, зажав рот рукой. Все молчали. Димка, протрезвев, с ужасом смотрел на бездыханного Кузьева – упав, тот попал виском на камень.

– Да ты ж убил его! – сказал кто-то, и Димка...

...и Димка виртуозно делал вид, что пьет наравне с парнями пиво или водку, хотя плохо переносил даже запах алкоголя: первый же опыт чуть не окончился трагически, и он избегал, как мог, спиртного.

У них сложилась своя небольшая компания: Томка, уверенно идущая на золотую медаль; Варя Абрамова, вечная школьная чемпионка чуть не во всех видах спорта; сам Димка – победитель физических олимпиад и умелый наладчик еще немногочисленных школьных компьютеров; Наташа Федотова – главная школьная певица, не сильно, правда, блещущая умом и красотой; Игорь Котов, бывший Варькин сосед, который вместе с матерью перебрался в Москву, но все каникулы проводил в Филимонове... Ну, и еще кое-кто, по мелочи.

Димку давно уже не считали робким или малахольным – сдержанный, молчаливый, слегка замкнутый, но вполне свой парень, да еще с гитарой! Выучился Димка по самоучителю, и гитара не раз спасала его в разных ситуациях, особенно в армии, где, впрочем, очень даже пригодились все его «руматовские» навыки: умение уклоняться от драки и уходить от опасности – в общем, не нарываться на неприятности.

От женитьбы на Тигре он уклониться не смог – все только и ждали этой свадьбы, даже бабушка, которая мечтала понянчить правнуков. Димка надеялся отложить это дело до возвращения из армии, но Томка уперлась, а он привык соглашаться, так всегда было проще. Сыграли пышную свадьбу, на которой все, как водится, перепились, а кое-кто и подрался. Димка стоически вытерпел всю эту суету, хотя целоваться с невестой у всех на виду ему не сильно нравилось.

Первый раз они с Тигрой поцеловались в девятом классе. И то, если б не учительница литературы, может, и не раскачались бы. Старая – действительно старая! – учительница умерла летом, и прислали новую, молодую, рьяную и очень язвительную особу, которая тут же разнесла в пух и прах систему преподавания своей предшественницы. Прежде Димка литературу игнорировал: читал он явно больше, чем Марь Семенна, сочинение мог написать одной левой – и Томке заодно, поэтому чаще всего читал под партой что-нибудь свое. Новая литераторша с дивным имечком Виолетта Трофимовна, тут же прозванная Фиалкой, сразу положила глаз на Димку: без конца вызывала, приставала с вопросами, разбирала по косточкам его сочинения. Он не понимал, в чем дело, но Тигра просекла мгновенно:

– Да она в тебя втюрилась!

– Обалдела, что ли?! – возмутился Димка, хотя ему тоже что-то такое мерещилось. Но Томка своим женским чутьем прекрасно все «унюхала», тем более что ее саму Фиалка всячески третировала: ревнует, стерва! Как Димка ни старался быть незаметным, он все же выделялся на общем фоне: собранный, подтянутый, сосредоточенный, умный, начитанный – он казался старше одноклассников. Да и весьма привлекательный, если приглядеться: стройный, светловолосый, с правильными чертами лица и выразительным взглядом, чаще всего несколько ироническим.

Именно благодаря Фиалке Димка и получил свое прозвище. Они с Тигрой неосторожно опоздали на литературу, и Фиалка приветствовала их появление язвительным: «А вот и наш Дон Кихот со своей верной Санчо Пансой! Что, сражались с ветряными мельницами?» Дей-

ствительно, Димка и маленькая Тигра смотрелись рядом забавно, чем-то и правда напоминающая парочку, созданную Сервантесом. Тигра чуть не зашипела, а Димка слегка поклонился Фиалке и сказал: «Вряд ли я тяну на Дон Кихота, Виолетта Трофимовна. Так, Дон Артемио, не больше». Класс захохотал, и к Димке тут же прилип этот «Дон Артемио», постепенно сократившийся просто до Дона. Он не возражал. А вечером того же дня...

Вечером того же дня они с Фиалкой нечаянно столкнулись на лестнице: Димка налетел на нее, не вписавшись в поворот, она оступилась, изящная туфелька с высоким каблуком соскочила и покатилась вниз по ступенькам. Димка бросился следом, поймал и торжественно понес Фиалке, которая стояла на одной ноге, как цапля.

– Простите, Виолетта Трофимовна! Я нечаянно! – сказал он, опустил на колено и надел туфельку на ее стройную и длинную ногу, которую ему снизу было видно почти до бедра. Надел и, чувствуя себя Доном Руматой, провел ладонью по гладкому прозрачному чулку – до колена. А потом легко поднялся и взглянул ей в глаза: вся красная, Фиалка растерянно моргала, а он...

Вечером того же дня они с Тигрой впервые поцеловались в школьном саду. Никакой особенной страсти Димка не почувствовал, и дальше поцелуев они не продвинулись. И если бы Томка знала, что именно думает Димка по поводу их возможной физической близости, то расстроилась бы невероятно. А ему это представлялось чем-то вроде кровосмешения, не иначе: он привык воспринимать Тигру как родного человека, практически сестру, хотя все вокруг с детства прочили их друг другу. Томкина неожиданная активность его несколько смущала, но как он мог ее оттолкнуть?! Ее, такую самолюбивую, обидчивую, обуреваемую многочисленными комплексами? Он на самом деле видел Тигру насквозь. Да и не так уж это было неприятно, честно говоря! Даже наоборот. Но женщины вообще-то ему нравились совсем другие: высокие, длинноногие, длинноволосые. Ну да, такие, как Фиалка! Сушая стерва, она тем не менее порой снилась Димке в романтических, а то и вполне эротических снах – преображенная силой его фантазии, прекрасная, нежная и страстная.

Конечно, теоретически они с Томкой представляли себе, что к чему. Свою первую ночь оба потом вспоминали со смешанным чувством, которое хорошо выражает известная поговорка «и смех, и грех»! Но как-то справились, несмотря на то что у Димки все время вертелись в голове наставления пьяного в дым отца, изложенные простым русским матом – Димку всегда тошнило от этой похабщины. Хорошо, что дед Шило, увидев выражение лица жениха, быстренько увел отца: пойдём, выпьем за молодых!

Поженились, потом Димка отслужил, Томка его дождалась, он выучился на программиста, Томка – на экономиста, Димка нашел хорошую работу в московской фирме по установке охранных систем, она – в банке районного центра, потом родилась Катька, которую бабушка все-таки успела понянчить. Димке иной раз казалось, что именно бабушка и держит их с Томкой брак: один раз ему даже приснилось, что они с Тигрой стоят посреди комнаты с Катькой на руках, а бабушка старательно заворачивает их в прозрачную упаковочную бумагу и перевязывает красной ленточкой – как букет!

Димка прекрасно знал, почему бабушка так ратовала за их брак с Томкой. Давно знал. Когда он еще был маленьким, бабушка часто ходила в гости к деду Шило – Александру Петровичу Шилову, Томкиному дедушке. Он жил один в старом, потихоньку разваливающемся доме. Бабушка надевала чистую кофточку, повязывала нарядный платочек – прихорашивалась. Димка сначала не понимал, почему мать с отцом и сестры над ней подсмеиваются, потом догадался: у бабушки с дедом Шило – любовь! Такая, как в романах – он прочел парочку, стащив у сестер. Правда, в романах героини были молодые и красивые, а бабушка с дедом Шило уже старые и морщинистые, особенно дед Шило, весь сморщенный, как печеное яблоко. Тигру они с собой никогда не брали, вдвоем ходили. Навстречу им вылетал дедов Трезор – маленький

лохматый песик, который заливался лаем и прыгал, норовя лизнуть в нос. Димка каждый раз волновался, когда дед Шило выходил на крыльцо и спрашивал:

– Никак Поля пришла?

– Ну да. Здравствуй, Саша! – отвечала бабушка, и лицо ее расцветало, молодело, заливалось нежным румянцем, и дед Шило тоже улыбался счастливой мальчишеской улыбкой. Димка смотрел не дыша – это было так красиво! И почему надо над этим смеяться?! Бабушка с дедом долго пили чай с пастилой и разговаривали, иногда дед доставал графинчик с вишневой наливкой, и тогда, немного выпив, они пели слабыми старческими голосами, а Димка слушал: «Вот кто-то с горочки спустился, наверно, милый мой идет... На нем защитна гимнастерка... Она с ума меня сведет!» Или «Окрасился месяц багрянцем». Но особенно дед Шило любил песню, которую пел Марк Бернес – у Артемьевых была такая пластинка, и бабушка часто ее заводила:

Мне тебя сравнить бы надо
С песней соловьиною,
С майским утром, с тихим садом,
С гибкою рябиною.
С вишнею, черемухой,
Даль мою туманную,
Самую далекую,
Самую желанную!

Потом, научившись играть на гитаре, Димка сам пел для бабушки: «Как это все случилось, в какие вечера? Три года ты мне снилась, а встретилась вчера...» – И бабушка вытирала слезы платочком. Если старики не пели, Димка убегал во двор и носился там наперегонки с Трезором или заглядывал в дедову мастерскую – тот был сапожник. Колодки, разбойничьего вида ножи и шильца, разноцветные куски кожи, деревянные гвоздики, дратва, готовые нарядные туфельки – все это хозяйство так занимало Димку! Дед дарил ему то деревянные гвоздики, то металлическую подковку на каблучок, а то и маленький обрезок остро пахнущей кожи, приговаривая:

– Эх, какое шевро! Мягкое, что твой шелк! Разве сейчас такое найдешь! А это, гляди, опоек! Чувствуешь, гладкая какая?

Димка порой мечтал, чтобы они с бабушкой ушли к деду Шило жить. Как было бы хорошо! Деревянный дом, большой участок с яблонями-вишнями, веселый Трезор, толстый ленивый кот Мурзя, которого Димка каждый раз радостно тискал, а тот только вяло помахивал хвостом. Пожалуй, Димка тогда тоже стал бы сапожником... Но дед Шило быстро развеял его мечты:

– Эх, малый! Кончились все сапожники! Это я так, по старой памяти – кому набойки набить, кому стельку вклеить, а туфель-то почти никто и не заказывает. Все ж теперь купить можно, и дешевле гораздо. А что покупают-то?! Одни слезы! Ни кожи тебе настоящей, ни работы – так, картон на клею! Так что и не мечтай. Никому мы теперь не нужны.

Поэтому Димка понимал, отчего бабушке так хочется, чтобы хоть он породнился с Шиловыми. Однажды спросил – деда Шило уже не было в живых:

– Бабуль, а почему ты не ушла к деду Шило? К Александру Петровичу? Ведь ты его любила, правда? И он тебя? Он один, ты одна – чего было не жить вместе?

– Да как я могла-то, что ты! На мне ж все хозяйство, весь дом. Да и какая любовь на старости лет! Поздно, сыночка. Поздно, – и вздохнула.

Бабушка овдовела очень давно, Димки еще и на свете не было. А похороны супруги деда Шило он даже смутно помнил. Бабушка немножко рассказывала ему про свою жизнь, когда он был маленький. Как же Димка потом жалел, что мало сохранил в памяти. Когда стал созна-

тельно выпрашивать, бабушка уже не помнила подробности, а записал всю историю Димка только после ее смерти, сведя воедино отрывочные воспоминания и рассказы, которые слышал от родных. Он сам не знал, зачем это делает, но давно уже потихоньку копил разные сюжеты, словно про запас. А уж бабушкина жизнь тянула на целый роман.

Полине было всего шестнадцать лет, когда приехавший в село «уполномоченный», как называла дедову должность бабушка, присмотрел ее себе в жены – юная, но крепкая и справная, хоть и небольшого росточка, зато домовитая – старшая дочь в семье, где мал-мала меньше. Присмотрел и увез на другой конец Московской области, под Можайск. В родной деревне бабушка больше не была ни разу в жизни и никогда не узнала, что стало с ее семьей.

Привез ее муж к своей матери и... своим детям: Санечке уже восемь исполнилось, а Машеньке – всего полтора. Мать их скончалась, как Поля решила, при родах – только гораздо позже дошли до Полины смутные слухи, что умерла ее предшественница вовсе не от родов, а от побоев ревнивого мужа. «Старый муж, грозный муж» действительно был и грозным, и ревнивым, и старым – по сравнению с юной Полечкой: Ефиму Савельичу было под сорок. Бабушка так его всю жизнь и величала: Ефим Савельич и на «вы».

К началу войны, когда немцы заняли деревню, у двадцатисемилетней Полины было на руках четверо детей и больная свекровь – «уполномоченный» муж дома бывал редко, занятый своими важными делами. Санечка, которому уже исполнилось девятнадцать, ушел на фронт и погиб потом на Курской дуге. Машеньке – двенадцать с хвостиком, и трое собственных детишек: Колечка и Ванечка, десяти и восьми лет, да крошечная, еще грудная Галинка, родившаяся перед самой войной, – будущая Димкина мама.

Про то, как жили «под немцами», бабушка не любила рассказывать, но проговорила, что поначалу немцев даже ждали, надеясь, что они отменят колхозы. Всякое было – то «кур, молоко, яйца» отбирали, а то и шоколадкой детей угощали в честь ихнего Рождества. От деревни не осталось ничего – то, что не успели сжечь немцы, сгорело потом во время жестоких боев. В 1942 году дед забрал всех в Филимоново, где им, как полным погорельцам, дали полдома – вместе с Шиловыми. Это потом они разъехались по разным квартирам кооперативного дома. А дед Шило с женой остались.

– Она хворала много, – рассказывала бабушка Димке. – Слабая была, как осенняя муха. Ну, я и помогала им по хозяйству, как могла. Ефиму Савельичу это, конечно, не нравилось, так я потихоньку. Он после войны шибко пить начал, потому как контуженный.

– Он на фронте был?

– Да вроде не был, сыночка. Он же уполномоченный! Важный человек.

Судя по всему, «важный человек» не только пил по-черному, но и поднимал руку на кроткую жену, подозревая ее во всех смертных грехах: и что с соседом путается, и что «под немцами» была и неизвестно как выжила. Старший сын пытался как-то защитить мать, за которой отец гонялся с топором, но не справился, и Ефим чуть было не отрубил ему руку в горячке. Машенька всех этих страстей не выдержала и повредила рассудком – повесилась в сарае, после чего Ефим совсем слетел с катушек, и, если бы не товарняк, под которым он нашел свою пьяную смерть, неизвестно, какой трагедией это бы все закончилось.

Димка слушал, ожесточаясь сердцем против давно покойного деда, о котором часто думал: ведь в его собственных жилах текла и дедова кровь! И отцовская... Именно поэтому он избегал, как мог, спиртного, поэтому и в драки никогда не лез – боялся собственной ярости, вскипавшей ключом. А гибель деда он хорошо себе представлял! Видел ярко и вполне реально, особенно сцену на железнодорожном переходе: хотя бабушка не проговорила ни словечком, Димка со временем уверился, что Ефим не сам попал под поезд. Димка видел, как из электрички...

Из электрички на пустую платформу вышли двое мужчин. Ефим едва держался на ногах, и Шилов, оглянувшись по сторонам, пошел за ним и нагнал Ефима у края дощатого настила, лежащего на шпалах: давай, брат, помогу! Они медленно побрели на ту сторону – товарняк грохотал уже совсем близко. Шилов чуть придержал шатающегося Ефима, а потом с силой толкнул под колеса локомотива. И скрылся во тьме...

Когда Димка додумался до этого и попробовал расспросить бабушку, она уже ничего не могла вспомнить, да и мало кого узнавала. Только Димку – всегда. Бабушка осталась одна в квартире Артемьевых – отец к тому времени умер, сестры разъехались, и Аня, старшая, забрала мать к себе. Бабушка оказалась никому не нужна, но Димка встал на дыбы, когда сестры предложили сдать ее в дом престарелых: ни за что. Томка категорически отказалась ухаживать за бабушкой: меня тошнит от ее запаха! – хотя Димка никакого особенного запаха не ощущал.

Бабушка всегда была очень чистоплотной, всегда старалась не доставлять никому лишних хлопот – кроткая, тихая, незаметная, с вечно извиняющейся улыбкой на морщинистом лице. Сначала Димка как-то справлялся, потом Варя Абрамова сама предложила ему помощь, и он с благодарностью принял – знал, как нелегко приходится ей с собственной сумасшедшей матерью. А потом бабушка умерла, и сразу все стало как-то... не то чтобы разваливаться...

Потеряло устойчивость!

Димка начал задумываться: «Неужели это и есть вся моя жизнь?!»

Семья, ребенок, работа...

По выходным – бесконечные домашние дела...

Ребенок! Он не очень понимал, как обращаться с дочкой – такая крошечная, хрупкая, беззащитная, что порой горло перехватывало от умиления. Димка разговаривал с ней, как со взрослой, помня себя в детстве, но Катюшка была совсем не такая, как он: бойкая, уверенная в себе, упрямая, храбрая. Димка с некоторым сожалением (но и с облегчением!) узнавал в дочери материнские черты характера, хотя внешне она была полной его копией: светлые волосики, ясные серые глаза. Видел он дочку редко: выходил из дома в полседьмого, приезжал поздно вечером – только в выходные удавалось погулять или поиграть вместе. По субботам и воскресеньям Дима сам укладывал Катюшку спать – девочка засыпала с трудом, и он долго сидел рядом: читал книжки, рассказывал сказки, сочиняя их на ходу, любовался румяной сонной мордочкой, целовал в тугую щечку, вдыхая сладковатый родной запах...

Дорога отнимала у него четыре часа каждый день. Конечно, только в дороге он и читал, да еще на ночь успевал пролистать пару страниц какого-нибудь поэтического сборника. И что, это вся его жизнь?! Нет, конечно, собирались по праздникам друзья, пели, валяли дурака – но все реже и реже: у всех были свои проблемы, свои заморочки...

На одно из таких сборищ Варька Абрамова пришла с приятелем, который скромно отрекомендовался поэтом. Славик Усольцев. Димка во все глаза смотрел на человека, так легко нацепившего на себя это высокое звание, потом подсел, разговорился. У того при себе и книжка оказалась – Димка почитал. Кончилось тем, что они чуть было не подрались, в такой раж вошли на почву поэзии.

Сам Димка давно уже ничего не сочинял – со школы. Но и тогда собственные вирши казались ему несовершенными и жалкими – одно расстройство! Несколько своих стихотворений, он, правда, пел под гитару: в сочетании с музыкой, тоже довольно примитивной, они вполне сходили за бардовские песни. Поэзия представлялась Диме таким святым и возвышенным делом, что его покорили первые же прочитанные в тощей книжонке строфы: без знаков препинания, без соблюдения размера, с вкраплениями матерных слов.

– Да ты ретроград, брат! – сказал снисходительно Усольцев, подцепляя на вилку кусок красной рыбы. Он выдавил на рыбку сок лимона и, чуть ли не с нежностью оглядев, отправил

в рот. – Это новая форма, теперь все так пишут. Вон англичане вообще от рифмы отказались. С рифмой-то любой дурак может. Главное – суть! Вникнуть надо, понять, почувствовать...

– Понять – это точно! Твои стихи разгадывать нужно, как кроссворды! И чем тебе помешали знаки препинания?! Или ты неграмотный? – Сам Димка писал на редкость грамотно, остро чувствуя необходимость каждой запятой, правда чудовищным почерком, разбирать который было одно мучение, поэтому всегда получал тройки по русскому.

– Слушай, чего ты прицепился? Дай спокойно пожрать! – довольно миролюбиво ответил Усольцев, наваливая в тарелку еще порцию салата.

– Да потому, что это не поэзия! Это не из души идет, а... одно словоблудие! Ты просто... выпендриваешься! – Димка незаметно для себя выпил рюмку водки, поэтому выразился гораздо более крепким словом, хотя всегда избегал мата.

– Это я... выпендриваюсь?! – взвился Усольцев. – Да это поэзия чистейшей воды! Понимал бы!

– Как ни странно, кое-что понимаю!

– Да конечно! Для тебя небось Пушкин – вся поэзия! А то, что был, например, Хлебников, тебе известно?! Это что, не поэзия?! Или Крученых?!

– Да ты сам-то Хлебникова читал? Или того же Крученых?!

– Представь себе, читал! А вы все застряли на ваших Тютчевых и Фетах! Ахматова ваша! «Нарцисс в хрустале у меня на столе» – это, по-твоему, поэзия?!

– Не помню, кто сказал, что поэзия – это исповедь водного животного, которое живет на суше, а хотело бы в воздухе...

– И что?!

– А то, что твоя так называемая поэзия это просто исповедь животного! Которое знать не знает ни о каком воздухе!

– Да какого черта?! Кто ты такой, чтобы судить о моей поэзии?!

Димка открыл было рот, но наткнулся взглядом на бледную Варьку, растерянно комкавшую бумажную салфетку, и осекся: «Что это я?!» Он огляделся – все затихли и смотрели на него с некоторым изумлением: впервые он так завелся перед друзьями. Димка встал и вышел на кухню, а пришедшая следом Томка выразительно покрутила пальцем у виска и сказала:

– Нет, как ты был малахольным, так и остался! Чего тебя понесло! Никому ж не интересно!

– А что вам интересно?! Про Пугачеву с Киркоровым?! – Он никак не мог успокоиться и сбежал на лестничную площадку, где добрая Федотова поделилась с ним сигаретой. Димка курил очень редко, но сейчас не мог удержаться: Усольцев оскорблял его самым фактом своего существования. Потом он просил прощения у Варьки – господи, и где она только нашла этого придурка?!

– Да ладно, не переживай. Я сама вижу, какое это сокровище. Где ж мне такого-то, как ты, найти? – грустно сказала Варя, поцеловала Димку в щеку и ушла вслед за демонстративно хлопнувшей дверью Усольцевым. А Дима со вздохом раскаяния ярко представил Варькино существование – сумасшедшая мать, беспросветное одиночество, жалкие попытки наладить личную жизнь, тающая с годами надежда на нормальную семью. И книжку-то эту несчастную она сама издала, за собственные деньги!

Варька была хорошим, верным другом, почти сестрой, и Димка иной раз заходил к ней, гуляя с дочкой, которая обожала и саму «тетю Варю», и тети-Варину кошку, и тети-Варины пироги. А Дима отдыхал душой у Варвары: ну почему Тигра не может быть такой, как Варька?! Почему ей все время надо шипеть и выпускать когти?! Он так уставал от бесконечных словесных баталий с женой и все чаще просто отмалчивался. И ладно бы они ссорились! Нет, это были вовсе не ссоры: Томка все время ехидничала, все время оттачивала на нем свое остро-

умие, и добиться от нее простого ответа на прямо поставленный вопрос было невозможно – она сразу бросалась в атаку!

– Том, я только спросил! Ты не могла просто сказать «да»?! – стонал он.

– Не-а! – Томка улыбалась, глядя на него такими невинными зелеными глазами, что так и хотелось стукнуть по макушке.

А с Варькой можно было разговаривать. Иногда Варвара сама звала его в гости, когда у матери сильно съезжала крыша: почему-то Дима хорошо на нее действовал. Мать вообще успокаивалась в мужском присутствии – видимо, чувствовала себя под защитой. Димка не пугался и не ужасался, выслушивая ее безумные речи: ему было интересно! Он поражался необузданному воображению, все время создающему параллельную действительность: мать Варьки жила в своем, выдуманном мире, полном фантазмагорических опасностей и тревог – как будто в реальности их не хватало. И Димка чувствовал, что есть сходство между ее безумием и его собственным постоянным творческим процессом, пока не нашедшим выхода, – просто он сам способен отделять вымысел от реальности.

В книжке, которую «великий поэт» забыл у них дома, была ссылка на страницу Усольцева в Интернете. Так он открыл для себя самиздат. Димка и не предполагал, что существует такое количество пишущего народа! Кто ж читать-то станет, если все пишут? Полазил по страницам, где-то ужаснулся, где-то посмеялся, кое-что тронуло. Он стал читать современных поэтов, которых совсем не знал. Постепенно привык и к отсутствию рифмы со знаками препинания, и к рваной строке. Даже понял, что именно так раздражало его в поэзии Усольцева: не форма, а содержание. Оказалось, что литературная жизнь в столице кипит и бурлит – поэтические вечера, литературные кафе, конкурсы и премии.

Впервые Димке пришло в голову, что вместо того, чтобы подлаживаться под окружающий его «Арканар», нужно было искать свою собственную среду, свой мир, где бы он не чувствовал себя инопланетянином. До сих пор Димка очень хорошо знал, чего не хочет – быть таким, как «арканарцы». Но чего же он хочет на самом деле? Кто он такой? Поэт из него не вышел... Читатель – и все. Но чувствовал, что приbedняется перед самим собой – внутри у него словно кипела ищущая выхода лава. Начать писать прозу? Пополнить собой армию графоманов самиздата? Издавать книжонки за свой счет, как Усольцев?!

Димка закинул удочку насчет переезда в Москву – если он не будет столько времени тратить на дорогу, может, сумеет как-то влиться в эту литературную тусовку? Найдет таких же инопланетян, как он? Зарабатывал Димка хорошо, так что Артемьевы смогли кое-что накопить, хотя Тома почти три года не работала, сидя с Катюшкой. Продав обе квартиры, они вполне могли что-нибудь приобрести в Москве, пусть и не в центре. Но Томка отказалась категорически:

– Тут у меня все схвачено, я на хорошем счету, есть перспектива развития, а что я буду делать в Москве?! Все заново начинать?! Да там таких, как я, – миллион!

Тигра была, конечно, права. Как всегда. Но ему-то как быть? И дальше задыхаться в этом «Арканаре»?!

– А давай лучше переедем в район? – сказала Томка, облизывая ложку: она обожала клубничное варенье. – Смотри-ка, засахарилось! Надо доедать, скоро нового наварим. Будешь?

Димка отмахнулся, отодвинув чашку с чаем.

– В район?!

– А что? Там жилье дешевле. Эту квартиру можно продать, а вторую – бабкину – оставить: будет вместо дачи. Летом-то тут хорошо!

Димка затосковал. Он понимал, что Томке это выгодно – работа рядом. И если здраво рассудить, в этой идее был смысл: там и детский сад приличный, и школа, да и вообще какая-никакая, а цивилизация, не то, что здесь. Но ему-то тогда придется еще больше времени тратить на дорогу! Райцентр был дальше от Москвы, хотя электричек там останавливалось больше,

чем в Филимонове. Он представил себе райцентр – пыльный, бестолковый, с жалкими подобиями клумб на плешивых газонах. Здесь он ходил пешком до электрички – через старый парк давно исчезнувшего имения: весной там обильно цвела черемуха, летом – шиповник и жасмин, осенью сияли золотом клены, пели птицы... А в райцентре до станции придется ехать на автобусе...

– А может, ты тоже тут работу найдешь? Наверняка! И в Москву ездить не надо.

Нет! Только не это! Димка вдруг осознал, что именно четыре часа дороги и дают ему возможность отрешиться, побыть с самим собой, поразмышлять... помечтать. То, что он про себя называл «помечтать», было постоянной и нескончаемой работой воображения, словно в голове у него тарахтел вечный двигатель, генератор образов и сюжетов, пока не находивших себе выхода. Они с Томкой даже слегка поругались: ни один не желал уступать другому. Потом помирились, конечно. Куда деваться! А через месяц Димка уехал в командировку в Петербург, где случайная встреча у разведенного моста изменила его жизнь навсегда.

Глава 4

Женщина с ветром в волосах

Через сорок восемь часов после судьбоносной встречи у разведенного моста женщина, изменившая имя и жизнь Дмитрия Артемьева, стояла на платформе Московского вокзала и смотрела в хвост поезда, увозившего в столицу бывшего Диму – теперь Митю. Она улыбалась, прижимая к себе большой букет белых роз, и все время притрагивалась пальцами к губам, на которых постепенно остывал их первый с Митей поцелуй...

Весь день они провели, гуляя по Петербургу: Петропавловка, Троицкий мост, Летний сад, Марсово поле, Дворцовая набережная, Адмиралтейство, Исаакий... Покатались на катере по рекам и каналам, а из всех музеев зашли только на набережную Мойки, 12, – к Пушкину, причем оказалось, что Лёка там впервые.

– Как это тебе удалось?! – удивился Митя.

– Сама не знаю! Когда в школе экскурсия была, я болела, а потом то ремонт в музее, то санитарный день, то еще что...

Они постояли молча в кабинете, глядя на черный диван, на котором умирал Пушкин, потом Митя спросил:

– А здесь? Ты чувствуешь его? Как тогда в Лицее?

Лёка прислушалась к себе, подумав, что сейчас, пожалуй, она никого, кроме Мити, и не способна чувствовать.

– Не знаю... А ты?

– Мне кажется, я чувствую ее... Натали!

– А как ты к ней относишься? Цветаева не любила Гончарову! И Ахматова, кажется...

– Ревновали! Какая бы Натали ни была – Пушкин-то ее любил.

Митя честно держался в установленных Лёкой рамках и не «давил» на нее, но так откровенно любовался, так ласкал взглядом, что она все время чувствовала себя словно рядом с разгорающимся огнем: тепло, жарко, горячо, еще чуть-чуть – и можно вспыхнуть самой.

– Перестань! – краснея, говорила Лёка, глядя в его смеющиеся глаза.

– А разве я что-то делаю?

– Ты смотришь! И думаешь!

– Это не подвластно мне, дорогая!

Время от времени Митя прикасался к ней, слегка обнимая за плечи или за талию – на пару секунд, очень естественно и невинно, а потом просто взял за руку. И Лёка не отняла. А вечером Митя повел ее в ресторан – они уже совсем не чуяли под собой ног.

– Ничего, сейчас отдохнем! Закажем что-нибудь грандиозное. Ты какое вино предпочитаешь? Или, может, шампанское? Сам-то я не пью.

– Совсем не пьешь?!

– Ну, могу полбокала белого.

– Тогда и я белое. А денег-то у тебя хватит на грандиозный ужин?

– Хватит, не волнуйся.

Они вошли в вестибюль, и Лёка вдруг увидела, что навстречу им из полутьмы движется какая-то пара. Она успела подумать: «Боже, какие прекрасные!», но тут же поняла, что один из них – Митя. Себя не узнала – эта удивительно красивая женщина «с ветром в волосах» и сияющими глазами никак не могла быть ею! Такой могла быть только Леа! Приоткрыв рот, Лёка с недоумением таращилась в зеркало, а Митя обнял ее за плечи и быстро, пока не успела опомниться, поцеловал в висок:

– Ну? Теперь ты видишь?!

– Что? – растерянно спросила Лёка, не в силах оторвать взгляд от волшебного стекла.

– Что мы – пара!

Так же, как при первой встрече, они «рифмовались» одеждой: светлые джинсы и темная рубашка Мити, черные брюки и светлая блузка Лёки. И хотя трудно было найти прямое внешнее сходство между коротко стриженным белокурым сероглазым мужчиной и длинноволосой брюнеткой с яркими карими глазами, они все же были удивительно похожи, как бывают, например, похожи две собаки или кошки одной породы. Менеджер страшно суетился вокруг них, выбирая лучший столик, и лучезарно улыбался, пожирая Лёку глазами, а потом вдруг принес большую красную розу:

– Это для вашей девушки! От заведения! Вы, наверно, молодожены? Это так заметно! Поздравляю!

– Спасибо, – серьезно ответил Митя, а когда менеджер отошел, сказал, улыбаясь: – Видишь, даже он понял, что ты моя девушка!

Лёка взглянула на розу, потом на Митю и залпом выпила бокал вина – в горле совсем пересохло. Она и в самом деле чувствовала себя невероятно юной – лет двадцать, не больше.

– Знаешь, меня всегда корбило это обращение: «дорогая»! – сказала она, вертя в пальцах ножку пустого бокала. – Дорогие товарищи, дорогие коллеги... Сухо, заезжено...

– Если тебе неприятно, я не стану!

– Нет! Мне нравится, как ты это произносишь, правда! Как-то очень интимно. И нежно. Словно ты первый придумал. И я сразу чувствую себя... драгоценностью.

– Так и есть.

Лёка вдруг вспомнила, что приснилось ей в первое утро их знакомства, и снова покраснела. Они просидели целую вечность в этом ресторане. Розу, конечно, так и забыли на столике, но Митя сказал, что хочет сам купить ей цветов. Напоследок они медленно прогулялись по Невскому.

– От вокзала ты непременно возьмешь такси! – настаивал Митя.

– Ладно. – Лёка послушно кивнула.

– У тебя есть деньги на такси? Давай я дам?

– У меня есть...

– И ты сразу позвонишь мне, как только доберешься до дома?

– Хорошо...

– А я позвоню тебе из Москвы! Нет, это будет очень рано, я пришлю смс, чтобы не будить.

– Да...

На вокзале среди спешащих пассажиров они оба заволновались, не зная, как прощаться. Проводница проверила Митин билет, и они отошли в сторону – Митя бросил сумку на асфальт, положил на сумку мешавший букет и решительно обнял Лёку. Обнял, посмотрел в глаза и поцеловал. И в ту же секунду для нее все пропало – вокзал, поезд, платформа, пассажиры, сумки и чемоданы, проводница в форме... Петербург с Адмиралтейством и Исаакием... Не осталось ничего, кроме бешеного стука сердец и яростных Митиных губ. Земля уходила у Лёки из-под ног, и она изо всех сил уцепилась за Митю, так же пылко отвечая на его поцелуй. Когда он оторвался от Лёки, она была почти в обмороке.

– Дорогая... Я буду звонить тебе при любой возможности! И приеду, как только смогу! – горячечно шептал Митя, целуя закрытые глаза Лёки, дрожащую на виске жилку, пылающие щеки и вздрагивающие губы. – А почта! Я же забыл узнать твой e-mail! Пришли мне смс, хорошо?

– Да... Хорошо, – бормотала Лёка, плохо понимая, о чем он говорит.

– Поезд отправляется! Молодой человек, вы рискуете остаться! – закричала им проводница, а Митя, еще крепче обняв Лёку, сказал:

– А я бы остался! Прямо сейчас. Навсегда.

– Митя! – очнулась Лёка. – Но ты ведь не станешь?! Не будешь ничего предпринимать?! Пожалуйста! Это был прекрасный день, самый счастливый в моей жизни, но...

– И в моей!

– Но ведь это всего один день! Разве можно все разрушать из-за одного дня?! Я прошу тебя! Не торопись! Митя...

– Я люблю тебя!

Он запрыгнул в тронувшийся вагон, а Лёка стояла, прижимая к груди букет, и улыбалась слегка растерянной улыбкой. Она так же улыбалась, сидя в такси и зарывшись лицом в розы. И дома, расставляя цветы: вазочек не хватило, и последние три она пристроила в высокую банку из-под растворимого кофе. И заснула с улыбкой на устах и с мобильным телефоном, зажатым в руке, – они еще немножко поговорили с Митей.

Утром Лёка раз двадцать перечла короткую Митину эсэмэску, потом долго пила кофе, рассеянно глядя в окно: жизнь переменялась, и надо было понять, как существовать дальше. Лёка опасалась, что у нее может снова начаться та душевная «ломка», которая чуть было не сокрушила ее после смерти мужа – и так мучила позавчера, когда она ждала возвращения Мити.

Но ничего подобного не было! Лёка прислушивалась к себе – ничто нигде не болело и не ныло, только легкое беспокойство, как бы Митя все-таки не наломал дров. Митина любовь наполняла Лёку, словно сосуд, не оставляя места ни для страхов, ни для тоски или боли. Какая тоска?! Ей хотелось прыгать, петь, танцевать, и Лёка немножко покружилась в большой комнате, как Элиза Дулитл после бала: «I could have danced all night, I could have danced all night... Тарам-тарам-па-па!» Так она и протанцевала весь день и все последующие – музыка, не переставая, звучала у нее в душе.

Незаметно для себя Лёка снова начала «чистить пёрышки», как на заре юности. Они с сестрой обожали по субботам наводить марафет: делали друг другу маникюр и затейливые прически, пробовали клубничные и творожные маски для лица, овсяный отвар для тела, ополаскивания для волос из коры дуба, придававший особенно красивый оттенок их темным волосам. Хотя Каля больше любила заварить для этой цели кофе – кора дуба пахнет каким-то болотом! По молодости они были прекрасны и без клубники с корой дуба, но очень любили все эти женские затеи: кремы, лосьоны, шампуни, духи, разноцветные помады, лаки для ногтей и тени для век. Потом, когда умер муж, Лёка забыла обо всем. Два ее неудачных романа тоже не слишком подняли самооценку, но сейчас... сейчас она вдруг почувствовала себя королевой. И окружающие сразу же это заметили:

– Леонида Аркадьевна, вы просто великолепно сегодня выглядите! – с некоторой даже завистью воскликнула мама пятиклассника, которого Лёка подтягивала по английскому.

– Что это с вами, Люси? – спросила прокуренным басом коллега на кафедре. – Расцветаете с каждым днем!

– Люсенька, деточка! Ты так похорошела! – радовалась соседка Роза Михайловна, а Чарлик подпрыгивал и норовил лизнуть в нос.

И даже Каля, приглядываясь к ней в скайпе, заметила изменения:

– Лёка, у тебя ничего не случилось? Что-то ты просто дивно прекрасна! Никто не появился на горизонте, а? Надеюсь, ты не наступишь опять на те же грабли?

Лёка показала ей язык и отключилась. При чем здесь какие-то грабли?! Она снова стала заглядывать в магазины: купила себе длинную разлетающуюся юбку и туфельки на каблукках, долго и придирчиво выбирала кремы – ночной, дневной, для век, для рук, для тела, вдумчиво принималась к духам, размышляла над разноцветьем помады и с огромным трудом увела себя из отдела дамского белья. На улице и в метро к ней все время кто-то клеился; а один из великовозрастных учеников (Лёка вела группу французского для «продвинутых»), до того не обращавший на нее особенного внимания, уже два раза пытался подъехать, пригла-

шая то на выставку, то в театр. Лучшая подруга, привыкшая слегка снисходительно относиться к неустроенной в личном плане Люське, насторожилась и спросила, помешивая пенку капучино – они зашли в небольшое кафе на Невском:

– Роман, что ли, завела? Выглядишь так, будто у тебя молодой любовник! Колись давай!

Но Лёка не раскололась, только загадочно улыбалась. Она очень гордилась тем, что сумела устоять перед Митиным мягким натиском: ничего такого, о чем можно было бы пожалеть или стыдиться, не произошло – ну, поболтали, погуляли, держась за руки, пококетничали слегка... Поцеловались... Один раз! Это не считается! Главное, удержаться на этом опасном краю, не переступить. Лёка уговаривала себя, что ей вполне достаточно того, что было, и вовсе не надо Мите больше приезжать! Звонки, смс, электронные письма – пусть это будет виртуальная любовь, ничего страшного. Она переживет. Она переживет, даже...

Даже если Митя опомнится и остынет. И лучше, чтобы опомнился. Ничего хорошего у них получиться не может: жена, ребенок! «Ему всего двадцать девять, а тебе почти сорок, помни об этом!» – говорила себе Лёка, глядя в зеркало. И не верила, потому что женщине, смотревшей на нее из глубины зазеркалья, никак не могло быть больше двадцати пяти: глаза сияли, губы горели, кожа светилась белизной, а волосы чуть ли не вились.

А вела она себя и вовсе как пятнадцатилетняя девчонка: полюбила прилечь с книжкой на кухонном диванчике, который теперь назывался «Митин» – подушка еще хранила его слабый запах. Чашка, из которой Митя пил кофе, стояла на почетном месте в буфете, и Лёка иногда – как бы украдкой от себя самой! – целовала фарфоровый бок. Она гуляла по тем местам, где они бродили с Митей, и даже пару раз съездила на Московский вокзал, чтобы постоять на той самой платформе и вновь ощутить на губах Митин поцелуй...

А иногда, присев на диван в большой комнате, она воображала сидящего напротив Митю и невольно уходила мыслями в прошлое – слова сестры не давали покоя: Лёке казалось, что все «грабли» в ее жизни были совершенно разными, если вообще можно говорить о каких-то «граблях»! В чем же Каля увидела сходство? В том, что каждый раз Лёка выбирала совершенно неподходящих мужчин?! Ну, первый раз, допустим, она вообще не выбирала...

Лёке было чуть больше двадцати, когда она встретила своего будущего мужа – два семестра подряд он читал им курс английской литературы. Уже через пару занятий Лёка почувствовала нечто странное: у нее почти не было опыта в любовных отношениях, не считая наивных школьных романчиков, и сначала она решила, что ей мерещится повышенное внимание Германа Валерьяновича. Потом недоумевала, чем она могла привлечь такого умного, тонкого, интеллигентного, образованного человека, к тому же годящегося ей в отцы! Лёка мучилась, думая, что она либо сошла с ума, раз ей чудится нечто подобное, либо самым пошлым образом влюбилась в преподавателя, и старалась быть с ним как можно более сдержанной. Явных знаков внимания не было: Герман Валерьянович смотрел на нее не чаще, чем на других студентов, на семинарах и экзаменах спрашивал наравне со всеми, не подстерегал в темных углах и «не краснел удушливой волной, едва соприкасаясь рукавами». Но Лёка все время чувствовала направленный на нее луч любви – как в театре, когда свет одинокого прожектора высвечивает из тьмы главную героиню. Пару раз они разговаривали, случайно столкнувшись в лифте и на улице перед университетом, – вполне нейтральный разговор, ничего такого! Но после экзамена он попросил Лёку задержаться, и она взволновалась. Герман Валерьянович долго молчал – Лёка покосилась на его судорожно сцепленные руки, лежащие на столе. Руки были красивые, с длинными музыкальными пальцами. И сам он был красив – высокий, тоже какой-то удлинённый, словно готический, с узким благородным лицом и копной полуседых волос. Наконец он заговорил – Лёка похолодела: ничего ей не примерещилось! Герман Валерьянович, смущаясь и волнуясь, поведал ей о своей любви, которую он не смог преодолеть, как ни пытался:

– Если у вас есть хоть капля чувства ко мне, если я вам не совсем безразличен – я сделаю все, чтобы мы были вместе! Я тотчас подам заявление о разводе! Пусть вас это не смущает:

у нас в семье давно всё развалилось, и долгие годы нас объединяли только дети, они выросли, так что... Ответьте же мне что-нибудь! Лёнушка?

Что она могла ответить?! Лёка чувствовала, что ее словно затягивает в воронку! Она всегда слушалась старших. Каля была совсем другая: решительная, знающая себе цену, прямо идущая к поставленной цели. Вся в отца. А Лёка... Робкая, неуверенная, привыкшая быть младшей и сверх меры наделенная способностью к состраданию. Вот и сейчас ей стало жалко Германа Валерьяновича – он так переживал, так заглядывал ей в глаза, так сжимал руки! Они стали встречаться и после его мучительного развода, длившегося чуть не два года, наконец поженились. Их роман родители восприняли с красноречивым неодобрением, особенно отец, а Каля спрашивала сестру страшным шепотом, поднимая брови и делая большие глаза:

– Лёка! Ты что?! Он же старый! Он же, наверно, ничего уже не может!

Лёка только краснела и отворачивалась. Ей было нечего ответить сестре – случая провести так и не представилось до свадьбы: Герман Валерьянович оказался весьма старомоден и не позволял себе ничего, кроме невинных поцелуев. Только потом Лёка смогла оценить, чего ему это стоило и сколько пылкой страсти скрывалось за его элегантной сдержанностью: он, пожалуй, и оскорбился бы, узнав, что его, едва разменявшего пятый десяток, считают дряхлым старцем!

После скромной свадьбы в небольшом ресторанчике, где были только немногочисленные родственники и друзья невесты, «молодые» отправились на такси в пустую Лёкину квартиру: родители заранее взяли путевку в санаторий и уехали на вокзал прямо из ресторана, а Каля жила у мужа – они должны были вот-вот получить визу и уехать в Израиль. Непривычно тихая квартира показалась Лёке совершенно чужой. Трусилась она просто отчаянно. Лёка вышла из ванной в длинной белой шелковой сорочке, и Герман Валерьянович, который успел только снять пиджак и галстук, увидев ее, ахнул. Лёка, зажмурившись, спустила с плеч тонкие бретельки, сорочка скользнула на пол – Герман шагнул вперед, рухнул на колени и, застонав, стиснул горячими ладонями ее бедра – Лёка покачнулась и судорожно сглотнула...

Потом они вполне приладились друг к другу, и Лёка постепенно перестала смущаться – но не переставала удивляться тому, что способна вызывать у мужчины такие сильные эмоции и желания. Через полгода родители Лёки уехали к старшей дочери в Израиль, и Лёка с мужем вздохнули посвободней: шесть месяцев холодной войны совершенно их измотали – отец Лёки так и не смог примириться с зятем. Правда, с отъездом родителей холодная война не закончилась, просто активизировался другой фронт: семидесятилетняя мать Германа Валерьяновича успешно вела наступление, то и дело совершая разнообразные диверсии. Лёку она невзлюбила сразу же и заключила союз с бывшей невесткой, которую прежде ненавидела. Теперь они по телефону страстно перебивали кости новоявленной супруге Германа, а тот предпочитал навещать мать в одиночестве – хватило одного совместного визита, после которого Лёнушка полноты прорыдала.

Лёка знала, что из нее получилась не слишком хорошая жена, но она старалась. Очень старалась! Она научилась гладить рубашки и брюки, наводя острые стрелки, завязывать галстуки и вдевать запонки, а ботинки Герман Валерьянович чистил сам, добиваясь зеркального блеска. Лёка освоила приготовление соусов, и бешамель у нее получался, как признавал Герман Валерьянович, куда лучше, чем у свекрови. Шарлотка с антоновскими яблоками и корицей, утка с апельсинами, фаршированная рыба, заливное – не говоря уж о затейливых салатах! – часто красовались на столе: гости Германа Валерьяновича обсуждали какие-нибудь «высокие материи», как выражалась Каля, а Лёка суежилась по хозяйству.

Но Герман Валерьянович не давал ей погрязнуть в утюгах и фаршированных щуках: по средам они с мужем говорили исключительно по-английски, пятница была посвящена немецкому, а книги, подобранные мужем для Лёнушки, следовало непременно обсудить по прочтении. Ей приходилось все время тянуться вверх, становиться на цыпочки, чтобы дотянуться до

Германа Валерьяновича и хоть немножко соответствовать масштабу его незаурядной личности и великой любви. Порой Лёка ужасно уставала от постоянно устремленного на нее внимания мужа: невозможно все время жить в луче прожектора! Она так не привыкла. Лёка была сумеречным существом. Временами ей хотелось побыть одной – просто помечтать, сидя у окна, почитать какой-нибудь сентиментальный романчик или, наоборот, похихикать и повалять дурака с подругами.

И ужасно не хватало мамы с Калей!

Просто ужасно.

К тому же Герман Валерьянович все время беспокоился о своей Лёнушке: столько опасностей подстерегает слабых и прекрасных женщин в этом чудовищном мире! Если бы он мог накрыть ее стеклянным колпаком и держать на комод, как хрупкий фарфоровый цветок, то наверняка сделал бы это. Но колпака не было, поэтому постепенно Лёка пришла к мысли, что проще никуда не ходить, чем по двадцать раз звонить и докладывать, что все в порядке. Иногда ее просто подмывало ответить на его бесконечные наставления: «Да, папочка!» – собственный отец никогда не проявлял столь трепетной заботы.

– Он просто ревнует, твой Герман Валерьянович, – говорила Каля.

– Да к кому?! Совершенно не к кому! И потом, он выше этого! Он мне доверяет!

– Он ревнует вообще. Считает тебя своей собственностью.

Это было похоже на правду. Иногда Лёке казалось, что Герман Валерьянович и любит-то вовсе не ее, а какую-то другую, выдуманную им Лёнушку, а ей приходится соответствовать. Сейчас, оглядываясь назад, Лёка не понимала: она сама-то любила Германа Валерьяновича? Уважала, восхищалась, трепетала, благоговела, сострадала – да. Но любила ли? Он заполнил собой всю жизнь Лёки, и Каля обзывала ее чеховской Душечкой:

– Нельзя так растворяться в человеке! Ты же отдельная самостоятельная личность!

После смерти Германа Валерьяновича Лёке пришлось по кусочкам восстанавливать эту отдельную и самостоятельную личность. До сих пор ей иногда снилось то страшное утро, когда она, привычно потянувшись поцеловать еще спящего мужа, ощутила губами его почти остывшую плоть. Лёка дико закричала, шарахнулась, упала на пол и как была – в длинной ночной рубашке с оборочками и кружевцами – кинулась на лестничную площадку и билась там о закрытые двери соседских квартир, пока вышедшая на шум Роза Михайловна не увела ее к себе. Увела, напоила валерьянкой, вызвала «Скорую», которая и констатировала смерть. Лёке вкололи что-то покрепче валерьянки, но она так и не пришла в себя к похоронам, о которых пришлось хлопотать Розе Михайловне. Лёка часами сидела в оцепенении на чужом диване, держа на руках беременную кошку Грету – никакого Чарлика тогда еще не существовало. Грета была кошка чопорная и высокомерная – дворянской породы, как говорила ее хозяйка, подбравшая полосатый орущий комочек у помойных баков. Кошка не сильно любила всякие обнимашки, но почему-то терпела судорожные объятия Лёки.

Это слово придумала мама, которая баловала дочек потихоньку от строгого отца, особенно вечно хныкающую Лёку, – распахивала руки и говорила: «А ну-ка – обнимашки!» И девочка изо всех сил стискивала мамины ноги, утыкаясь в ее теплый и мягкий живот. Мама, которая была так нужна младшей дочери, на похороны прилететь не смогла, так же как и мучающаяся от токсикоза Каля – ее второй младенец был уже на подходе. Приехал только отец, который непривычно бережно обращался с Лёкой, остро напоминая Германа Валерьяновича, который больше никогда... никогда...

Никогда.

Родители настаивали, чтобы Лёка приехала к ним, но у нее не было загранпаспорта. И сил никаких не было, ни душевных, ни физических. Две недели она вообще не выходила из квартиры. Ничего не делала, просто сидела на кухне – в комнаты заходить не могла. И спала там же на диванчике – тоже сидя и обнявши маленькую подушку с вышитыми крестиком цветоч-

ками, под неумолчное бормотание маленького телевизора с вечно отваливающейся комнатной антенной. Вдруг материализовались все страхи, терзавшие некогда Германа Валерьяновича, – они таились в темноте подъездов, поджидали Лёку в проходных дворах и переулках, ездили с ней в лифтах и поздних троллейбусах, оживали в телефонных и дверных звонках.

Спасла ее кошка. Дочка Греты – маленькая рыжая Пеппи с белым чулочком на левой задней лапке, шkodливая, забавная и ласковая, которая очень быстро научилась обнимать Лёку за шею мягкими лапками: обнимашки! Кошка постепенно прогнала все фобии и страхи, и Лёка потихоньку выбралась из одолевавших ее болячек, а ведь за три года брака она ни разу ничем не болела. И болячки-то были все какие-то дурацкие: ну ладно грипп или ангина, не привыкать, а то вдруг упала в ванной, вешая белье. Хорошо, ногу не сломала, отделалась ушибом. Потом чуть не задохнулась, подавившись сухариком, – продышалась, но горло оцарапала так, что кашляла еще чуть не месяц. Наконец, она как-то выправилась и укрепилась духом, похоронила свекровь, за которой приходилось ухаживать, выслушивая бесконечные обвинения и упреки, порой совершенно фантазмагорические; получила паспорт и съездила на две недели к родным в Израиль – хотела пробыть три, но ужасно соскучилась по Пеппи.

Вернувшись, Лёка сделала в квартире небольшой ремонт, переставила всю мебель, купила новую кровать и выбросила прежнюю одежду: Герман Валерьянович предпочитал, чтобы она одевалась в консервативном стиле, который Каля определяла просто: старушечий. Лёка надела джинсы, и чуть было под горячую руку не подстриглась, но стало жаль так долго лелеемых волос. Обновленная, выпорхнула она в новую жизнь, и... и тут ей подвернулся Алик, о котором Лёка вспоминала теперь со слегка брезгливым недоумением: надо же быть такой дурой! Все-таки она не совсем пришла в себя, иначе не ухнула бы в роман с Аликом, как в прорубь. Прорубь случилась на дне рождения лучшей подруги, и только потом Лёка узнала, что Алик – бывший любовник этой самой подруги.

Она не сразу осознала, что их не связывает ничего, кроме секса: выбравшись, как Алик выражался, «из кровати», они решительно не знали, о чем разговаривать. Поэтому старались и не вылезать – только с Аликом Лёка поняла, что секс может быть легким, веселым и вообще-то приятным занятием. Очень приятным. Но Алик не отличался верностью, и, застав его с какой-то блондинкой, Лёка устроила дикий скандал, который его страшно изумил. «Теряешь стиль, подруга!» – растерянno пробормотал незадачливый любовник, вовремя увернувшись от летевшей в него тарелки, которая, впрочем, не разбилась. Синий прозрачный пластик, прочная вещь. На какое-то время он приутих, потом опять взялся за свое. Он то пропадал неведомо где, то внезапно сваливался на голову, так что Лёка все время чувствовала себя словно под неисправным душем, из которого непредсказуемо льется или кипяток, или ледяная вода. И отрегулировать невозможно! Она с трудом выбралась из этих отношений, продлившихся, к счастью, недолго – как увязшая в сиропе муха, Лёка освобождала одну лапку, но тут же вязла другая. И если бы сам Алик ее в конце концов не бросил, она, вполне вероятно, до сих пор так бы и барахталась, увязая все дальше.

Справилась она с последствиями разрыва довольно скоро: больше всего пострадало оскорбленное самолюбие, но самолюбию она порекомендовала заткнуться, а сама взяла абонемент в бассейн и несколько месяцев старательно смывала с себя память об Алике, активно моля руками и ногами в голубоватой, пахнущей хлоркой воде. Вспоминать об отношениях с Аликом Лёке было немножко стыдно, потому что вела она себя как ребенок, дорвавшийся до банки с вареньем и обнаруживший, что туда запускают свои ложки и другие любители сладенького.

А Гоша появился в ее жизни вообще-то случайно: они столкнулись в библиотеке университета. Гоша успел закончить аспирантуру и стать доцентом, пока Лёка трепетала, увязала и барахталась, а теперь работал над докторской. Они разговорились, вспомнили студенческие

годы и как-то незаметно для себя оказались в одной постели, а потом Гоша и вообще перебрался к Лёке: сам он после развода жил вместе с мамой.

Лёка честно пыталась построить нормальные семейные отношения, да и пора бы: тридцать три, еще немного, и рожать будет поздно. Но Гоша ее раздражал! Просто чудовишно. Своим занудством, рассеянностью, душевной слабостью. Не помогало ничего: ни общность интересов, ни схожесть литературных вкусов, ни вполне пристойный секс. Конечно, после Алика это было как газировка вместо шампанского... Зато надежно. Но скучно! Смертельно скучно. И если с Германом Валерьяновичем – да и с Аликом! – она чувствовала себя вечной девочкой, то с Гошей ей пришлось стать любящей мамочкой, а это вовсе Лёку не обрадовало. И потом, что может родиться от такого Гоши?! Узнав о разрыве, лучшая подруга недоумевала:

– Не понимаю, чего тебе надо? Ну ладно Алик – тот еще кобель...

– Могла бы вообще-то меня и предупредить! Подруга, называется!

– Да я и подумать не могла, что ты тут же прыгнешь к нему в объятия!

– Я тоже не могла...

– Кобель, конечно. Но такой пупсик, скажи? – И подруги хором вздохнули. – А Гоша тебе чем плох?!

– Он зануда! И маменькин сынок! Звонил ей по пятьдесят раз на дню. Нет, с меня вполне хватило одной безумной свекрови!

– Да уж, ты настрадалась.

– Он ничего не мог решить самостоятельно! – И Лёка выразительно передразнила Гошу: – «Как ты думаешь, Леонтия, мне надеть синюю рубашку или серую? А галстук какой?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.